

Анатолий Матвиенко

Демон ПРОТИВ ВСЕХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анатолий Матвиенко

Демон против всех

«Автор»

2024

Матвиенко А.

Демон против всех / А. Матвиенко — «Автор», 2024

Хрупкий баланс между миром мёртвых и миром временно живых снова нарушен. А значит, для агента загробной канцелярии демона Марка готово следующее задание, и не одно. Нужно предотвратить ядерную войну в Корее, затем – сорвать лунную миссию США... И всё это – силами единственного лётчика-истребителя, не обладающего суперспособностями. Но ангелам виднее – что именно поручить демону. Вот только в самих ангельских рядах – разброд и жаркие споры: каким образом надлежит исполнить божью волю и навести порядок. Быть может – просто остановить рождаемость на Земле? Не будет людей – не будет от них и проблем... У Марка другое мнение. А также полное отсутствие желания слушать ангельские приказы. Обложка создана с помощью нейросети Dream.

© Матвиенко А., 2024

© Автор, 2024

Анатолий Матвиенко

Демон против всех

Глава 1

Ангел-атеист

Вселившийся в грешника демон обычно ведёт буйный образ жизни, совершает непотребства и всячески смущает душу попавшего под раздачу смертного. Причина проста: засидевшееся в преисподней существо истосковалось по земным благам, поэтому спешит зачерпнуть их полной чашей. Кто знает, представится ли ещё раз такая возможность.

Зимой 1951 года я нарушил все демонические обычаи и тихонько дремал в уголке сознания старшего лейтенанта Владимира Мошкина, стараясь не потревожить парня. Впитывал только полезные его воспоминаниям, касающихся таинств управления реактивным истребителем МиГ-15. Когда над аэродромом в Андуне[1] взлетали зелёные ракеты, и Володя вырубивал на взлётно-посадочную полосу, его органы чувств становились и моими. Скоро я увижу, как земля уйдёт вниз, мы пробьём облачность и заберёмся тысяч на тридцать фу... Отставить! На десять тысяч метров, никак не отвыкну от британских футов и прочих галлонов.

В горле пересохнет. Небо станет ярко-синим, а если добавить ещё тысяч пять, начнёт темнеть. Не космос, но уже стратосфера.

Не смущая старлея, я не вмешивался в управление и только пытался по его движениям рук-ног понять советскую птичку, весьма отличающуюся от привычного «Глостер-Метеора».

Конечно, мне ничего не стоит отшвырнуть Володьку в сторону, объяснив: на мостике новый хозяин. Русский язык у меня приличный, годы в Бобруйске, в Испании и снова в СССР не прошли даром, тем более Володя – парень скромный, немногословный. Сумею скрыть подмену от офицеров и техников полка. Самолёт мне подчинится... Но я до сих пор не сделал ничего вот по какой причине. Ваня Бутаков, мой прежний второй пилот в одной черепушке, был пьянь, враль, бабник и вообще секретарь комсомольской ячейки. Короче – закоренелый грешник, готовый кандидат в зэ-га для загробной зоны[2]. Его отпихнул от руля почти сразу и перевоспитывал годами, пока тот не стал адекватным. А что здесь делать то? Я – демон из преисподней, профессиональный мучитель безбожников. Вселиться вправе только в очень грешную душу, такой как раз и была душа худшего сталинского сокола во всей Рабоче-крестьянской Красной армии.

Но Володька из другого теста. Хороший он, правда. И гнобить его жаль.

Молодой, в марте исполнится двадцать четыре, третья звёздочка упала на погон только-только, в Китае его догнала. Пусть и невидимая. На наших хабэшках и шинельках отвратительного горчичного цвета нет погон, потому что мы здесь не солдаты и не офицеры могучего Советского Союза, а добровольцы-ополченцы Народно-освободительной армии Китая. Типа как во время моей испанской эпопеи. Наш комдив Кожедуб, пару раз его видал глазами Мошкина, ровно такой же партизан. На фуражке даже кокарды нет. По пути в Азию ругался почём зря при виде неуставного воинства и звал нас «командой демобилизованных поваров».

Мошкин сейчас в лётной куртке. На ногах обуты туго зашнурованные китайские солдатские ботинки. Если нацепить сапоги, то лучше с парашютом не прыгать: как ни задирай пальцы вверх, в момент раскрытия купола сапоги сорвёт, и хромачи улетят вниз, расставшись с хозяином навсегда. Добираться к своим через половину Северной Кореи босиком, да ещё зимой – развлечение так себе.

Вдобавок на шее у Мошкина повязан легкомысленный шёлковый платок с цветными драконами. Воротник у китайского барахла жёсткий, шею натирает, с платком – терпимо. Ботинки

и платки у лётчиков неизменно обнаруживают проверяющие из штаба авиакорпуса и особенно из Москвы. «Па-ачему не по форме одет, товарищ... военный?» Звание не называют, погонто нет...

Петруха из нашей эскадрильи, дело было после ужина, и он принял на грудь положенные за вылет сто грамм, как-то нарвался на подобного московского фраера. Тот: «Почему не по форме? Как честь отдаёте...» И так далее. Петруха морду кирпичом, прищурился под азиата и начинает объяснять: «Суань-бань-хань-вань-мань-хо! Дас ест вас не понимайтен!» Московский подобрел и сразу так ему: «Извините, товарищ китайский лётчик. Не признал». Наши потом на Петьку навалились, мол, когда это китайский успел выучить? Тот: «Какой, вашу маму, китайский?! Хрень всякую молол, что только в голову пришло».

Так вот, о Мошкине. Он тоже детдомовский, как Бутаков, но не в босоту вырос, а к чему-то хорошему тянулся, стремился. В лётное училище прошёл, там конкурс и требования огого. Не пьёт, максимум сотку закидывает за ужином, положенную в части. Не бегаёт купить местное китайское пойло, чтобы догнать градус. Конечно, комсомолец и некрещённый. Но тут весь полк такой, если не комсомолец, то коммунист, это признаётся во благо и в порядке вещей, потому душа его считается заблудшей, а не злостно грешной.

По женскому делу спокойный. В Союзе амуры крутил без зачётного результата. Не пытался воткнуть во всё, что шевелится, как норовил Бутаков. Жениться не успел.

Короче – нормальный, честный, скромный. Малость трусоватый. Как увидел в воздухе «Тандерджет», запаниковал, едва не потерял ведущего.

Какого ляда загробная канцелярия решила подставить Володьку под меня, ума не приложу. Как говорят, пути Господни неисповедимы. Точнее – пути тех, кто около Господа ошивается и делает вид, что вершит судьбами от его имени.

«Здравствуй, Марк!»

Твою налево... Только вот подумал о них, светоносных. Выходит – сглазил.

«Тихо! Старлея испугаешь. Он не в курсе пока. Ты кто?»

Я заметил, что володькина рука на рукоятке управления дрогнула, отчего дёрнулся весь самолёт.

«Извини. Первый раз в послежизни подопечно навещаю. Не знал, что и как тут».

Ого! Прежний скорее крылья бы себе отрубил, чем извиняться начал.

«Новенький? Семнадцатая канцелярия шестого небесного уровня? От имени конклава?»

«Тридцать третья канцелярия... Марк! Что ты несёшь! Неужели ты не знаешь... Какой конклав! Ради тебя одного, что ли?»

От сих слов обидно стало. Ей Богу. Когда к Бутакову подсеяли, ангел изрёк «решением конклава шестого уровня», причём – с таким выражением на постной морде, как в СССР вещают о постановлении ЦК КПСС. То есть Божья воля, ни больше, ни меньше. Сейчас, кажется, мою персону начали ценить ниже, чем до первой командировки в мир под солнцем. Короче, в загробном мире из меня карьерист никакой. В Королевских ВВС за десять лет вырос быстрее, чем в преисподней за девятнадцать веков.

Что новый босс – зелёный как огурец, имеет свои плюсы. Шепчет по-латыни и не высывается. Прежний попросту бы сел на приборную панель, распушив нимб, свесив ноги и крылья, видимый Володьке ровно в той же степени, что и мне. Несложно представить, как офигел бы мой комсомолец. Ладно, посмотрим, что у нас за новый фрукт.

«Просвещай!»

«Да всё очевидно. За годы Второй мировой на тот свет свалилось более чем на шестьдесят миллионов душ больше, чем от естественной смертности. Ты должен помнить аврал после Первой мировой и эпидемии испанки».

«А как же! Добавь грёбаную большевистскую коллективизацию. Отряды зэ-га, заключенных грешников на моей зоне, были переполнены года три-четыре. Потом открыли новые отряды, всё утряслось».

«И никто не извлёк урока! Понимаешь? Пусть зоны иллюзорные, тела фантомные, но надо организовать, сколотить обслугу, обучить, для этого отобрать кучу жёстких грешников вроде тебя, отбывших сотни лет пыток».

М-да. Я здорово оторвался от проблем преисподней.

«Вас, белокрылых, тоже наверняка не хватает для слежения за подонками типа меня?»

«Нет. Нас много, святых мучеников. Даже слишком. Я сам – из 1943 года».

«Еврей?»

«Как Абрам, твой прежний куратор? Нет. Белорус».

Ангел вдруг заткнулся. Пользуясь паузой, я прислушался к Мошкину.

Наш базар, если тихо шептаться, может отдаваться у него в голове комариным шевелением. Во время полета, когда в наушниках шлемофона постоянные голоса «193-й, мать твою, не отставать», гудит двигатель, глаз постоянно перебегает с переднего стекла на приборную панель и зеркало, не до самоанализа. Если бы разобрал какие-то слова, тоже вряд ли бы что-то понял, как и любой живущий на земле. Разговорная латынь преисподней здорово отличается – и от классической, и от современных языков.

«Меня звали Юрий. Был ксендзом, жил на севере Витебской области. Партизанский край, знаешь? Ну да, ты воевал далеко. Немцы проводили операцию против партизан. Не только немцы. Местных полицаев тоже хватало. Для устрашения жгли деревни».

Спо-окойно...

Это было давно. Но я никогда, ни за что и ни при каких условиях не забуду ни Гернику, ни Ковентри. Тысячи людей, сгоревших заживо или раздавленных насмерть обломками зданий... Двух близких мне женщин, убитых немецкими бомбами. Даже погибшего из-за светомаскировки моего рыжего кобеля-ретривера, совсем молодого! И его не забуду и не прощу. Мимо внутреннего взора почему-то мелькнуло лицо Бори Сафонова, я запомнил его улыбающегося на все тридцать два зуба. Живого.

Но Борис сгинул в бою, тогда же сбил «Юнкерс» и отправил души экипажа на перевоспитание в загробную зону перед тем, как навсегда нырнуть в Баренцево море.

А вот погибшие в огне дети... Порой подмывает дезертировать из мира живых и попроситься обратно начальником отряда на зону для дохлых наци. Изобрёл бы для них что-то очень-очень особенное. Чтоб Майданек казался раем.

От моих мыслей Володя снова беспокойно шевельнул ручкой. Мы уже миновали реку Ялуцзян, промелькнувшую под крылом. МиГи летели над корейской территорией, навстречу американским самолётам, летели воевать. И отвлекать пилота не стоило.

«Вашу деревню сожгли?»

«Дома не жгли. Только жителей. Зимой всех загнали в большой колхозный амбар. Немцы были и ещё эти, Белорусский корпус самообороны, полицаи. Я поднял крест, сказал им: опомнитесь! Грех смертный! Они только посмеялись. Потом один говорит – так спаси их души, иди в амбар. У меня ещё оставалась надежда, бывает – запрут, продержат... Сутки-двое. Потом выпускают тех, кто не замёрз насмерть. Но ждать людям тяжело без надежды, без слова Божьего».

«И ты шагнул внутрь...»

«Да. Там стояла сестра. Девочки мои, её дочери семи и девяти лет, Лизонька и Ганнушка... Подожгли почти сразу! Я читал молитву, пока не задохнулся. Последнее, что слышал – крик и кашель Лизы, Ганна умолкла раньше...»

Молчи, блин, святой мученик! Этого всплеска чувств Володька не выдержит. Его начнёт колбасить. Чтобы не разбились, придётся срочно отправлять его на скамейку запасных и

самому рулить. Жизнь у парня закончена. Дальше – только существование в моей тени, в самом уголке черепной коробки.

«Попав на тот свет, я не ощутил ничего, – продолжал белый. – Ни Божьей Благодати, ни адского пламени. Ни зоны с зэ-га и начальником отряда вроде тебя. Ощущение времени пропало. Это была вечность. Великое Ничто. И в этом Ничто – только крик и кашель моих племянниц, сестры, моих сельчан-прихожан. Бесконечно. Непрерывно».

«Но как ты...»

«Не знаю. Меня вытащили в сорок седьмом. Четыре года, пять месяцев, шесть дней, одиннадцать часов».

Я чувствовал, что он не врёт. При таком способе общения можно что-то утаивать, но начисто лгать – нереально.

В Великом Ничто мне пришлось провести считанные дни в виде наказания. По сравнению с ним котёл с горящей смолой – это не более чем тёплая ванна с шампанским и пузырьками.

Туда, за редким исключением типа благородного самопожертвования, ссылают души самоубийц. Без возврата. Через какое-то время разум разрушается. Душа бессмертна... Но никто не сказал, что неуничтожима.

«Меня макнули в Божью Благодать, хоть для меня даже выход из пустоты был великим счастьем, – продолжил Юра. – В качестве бонуса отрезали чувства. Не все. Только касающиеся последнего часа жизни. Я помню сорок третий... Но всё словно вдалеке. Или как через стену».

«Выпустили в сорок седьмом, так? Сейчас начало пятьдесят первого. Больше трёх лет. Значит, дополнительной кары не было. Какая, собственно, кара? После Великого Ничто. Оно перекрыло столетия в отряде, в самом строгом режиме. Выходит, тебя всего лишь три года готовили к работе в канцелярии».

«Да, – просто сказал он. – По ускоренной программе. Обычно не меньше полста лет, пока не дадут ответственное задание. Но после Второй мировой правила полетели в ад».

Правила полетели в ад... Я вспомнил Эль-Аламейн и горящие грузовики Роммеля. Силуэты немецких самолётов в прицеле «Спитфайра», из которых чаще всего не выбрасывался ни один парашютист. Если бы я знал, что покойников ждёт Великое Ничто, не думаю, что отправлял бы их в преисподнюю с прежней решимостью. Наоборот, тогда был уверен в бессмертии души и возможности приобщения к Божьей Благодати. После энного количества лет на зоне для нацистов, конечно.

«Ясно. Почему ты не похож на священника? Ни разу не сказал мне: сын мой? Или как там у вас – брат во Христе?»

«Потому что стал атеистом. Не удивляйся. Первая трещина в вере появилась, когда там, среди Ничто, я в миллиардный раз вспоминал последние слова Ганнушки: смилуйся над нами, Господи! Он, всемогущий и всеведущий, остался глух. Да, я знаю, есть загробный мир, объединяющий рай и ад, как их представляют земные грешники, бессмертие души, искупление, Божья Благодать... Но, клянусь тебе, это всё совершенно не то, чему меня учили в семинарии. Кто из епископов мог предупредить, что не будет никакого Святого Петра и райских врат, Страшного Суда, меня просто забудут в пустоте на годы? Вышло совсем иначе, загробный мир материален, потому что он существует объективно, хочешь ты или не хочешь. А как там всё устроено, как зовут Бога, да и вообще – один ли он, не знаю даже я, ангел. Понимаешь? Я шагнул в огонь ради Христа, а теперь не понимаю, был ли он Сыном Божьим... И это второе моё испытание после смерти, не только Великое Ничто. Я убивался из-за сестры и племянниц, надеялся узнать – где они, девочки маленькие совсем, куда им на зону, ведь не грешили ещё... Мне ответили – не положено».

Даю зуб, пусть не свой – Мошкина, Юрию точно так же запрещено рассказывать мне, демону из пыточной, столь щекотливые подробности про ангельскую жизнь и царящий у них хаос, он почище, чем в советских и британских ВВС вместе взятых.

«Спасибо за откровенность, гражданин начальник. Скажи тогда, зачем пожаловал. Или чисто познакомиться? Если решения конклава нет...»

«Нет. Но есть понимание общей ситуации. Китайцы навалили американцам и южным корейцам. Американцы опомнились и врезали китайцам. Вмешались советские. Если война разгорится дальше, она перерастёт в ядерную. Только у США есть стратегические бомбардировщики с атомными бомбами. Как только научатся молотить МиГи в воздухе – их «ястребы» возьмут верх в Конгрессе. Начнётся атомная война. «Суперфортрессы» с бомбами полетят из Европы, из Турции и из Кореи. Знаешь, сколько будет душ в преисподней? Миллионов сорок в первую неделю! И не менее сотни миллионов в следующие месяцы. Почти все они канут в Великое Ничто, пока найдутся свободные места по зонам. Преисподней приходится вмешаться. А ты, самый опытный из посланцев загробного мира, месяцами валяешь дурака».

Я не успел отреагировать. Самолёт задрожал, затрясся от стрельбы трёх пушек. Потом тело Мошкина сдавила перегрузка. В следующую секунду истребитель снова вздрогнул, но уже не от стрельбы, а от попаданий в нас.

«Юра! Будь ангельски добр, свали нахер. Сейчас не до тебя».

«Хорошо. Не тяни время».

Ангел-атеист точно не был пилотом при жизни, потому что не пропустил бы картину воздушного боя из кокпита самолёта. Я остался, а куда мне деться, и слился с Мошкиным, впитывая его ощущения.

Владимир сбросил «Тандерджет» с хвоста, взвившись свечкой вверх. Машина слушалась, не особо пострадав от пробоин. Вырвавшись тысячи на полторы вверх, он обнаружил, что потерял ведущего, о чём проорал ему в эфир, пытаясь перекричать матерное многоголосье, затем перевернул МиГ брюхом вверх, осматривая мешанину из отдельных схваток, на которую развалился общий бой советской эскадрильи и группы «Тандерджетов». Острый глаз Мошкина выхватил одинокий силуэт с острым стреловидным крылом, наш МиГ-15, которому в хвост заходили два американца с прямыми плоскостями. Володя, решив их догнать, опустил нос истребителя и, к моему ужасу, энергично двинул вперёд РУД – рычаг управления двигателем. До упора.

Выравниваться начал слишком поздно и очень поздно убрал обороты, скорость ушла далеко за девятьсот. Воздушный тормоз... Две тысячи высоты... Полторы... Тысяча... Самолёт дрожал как в лихорадке. Началась пресловутая «валёжка». И уже оба понимали: нижняя часть траектории петли, скорее всего, находится метров на пятьдесят ниже уровня земли. Хуже того, выходить в горизонталь мы начали с сильным креном на правый борт. Мошкин дёрнул ручку влево, так резко нельзя! Машина проигнорировала команду и завалилась вправо дальше...

Не знаю, в какой момент сработали рефлексy, выработанные на «Спитфайре», «Метеоре», «Аэрокобре» и десятках других машин. Перехватив управление телом, я перевёл ручку вправо и дал педаль. Самолёт перевернулся брюхом вверх. Между стеклом кабины и деревьями внизу – считанные метры...

Можно считать Божественным провидением, что после этого мне удалась полубочка без потери высоты. В теории такое невозможно. Разумнее было не ждать до последнего, бросить Мошкина и просить задание вселиться в другого грешника. Ну вот, в Кожедуба, например. Он столько немцев перебил, не имея на то прямого приказа небесной канцелярии, что, по странному критерию загробного мира, точно потянет лет на двести в зоне.

Я поднял МиГ на тысячу метров и услышал окрик по радио: «Где ты, 193-й? Какого х... тебя унесло?»

Володя вроде очухался. Крепкие нервы у напарника, ведь всего полминуты назад был практически покойником. Я позволил ему управлять. Сели без проблем. В мозгах парня билась единственная мысль – что это было?

Постепенно Мошкин успокоил себя: напорол ошибок, потом чисто на рефлексх исправил, и, конечно, повезло, что не разбился. Вечером в столовке едва ковырнул рыбу с рисом, зато выпросил лишние сто грамм. Командирская взбучка прошла мимо его сознания, упрямый кусочек которого твердил, что случившееся неспроста.

Ну, а я выполнил пожелание нового босса – вмешался, сохранил один МиГ-15 и одного пилота. Наверно – для спасения человечества. Вот что в преисподней не меняется, мне опять норвят подкинуть задание глобального масштаба для исполнения силами единственного лётчика-истребителя, к тому же далеко не самого умелого.

[1] Город называют кто во что горазд: Андун, Аньдун, Андунь, а также Даньдун. Протекающая там пограничная река Ялуцзян как вариант именуется Ялу или Амноккан.

[2] Зэ-га – заключённый грешник в посмертной исправительной колонии.

Глава 2

Чайна-систа

Мои опасения, что Володя, пройдя на волосок от смерти, оробеет, сбылись с точностью до наоборот. Чужая душа – потёмки, даже если делишь с ней одно тело.

Он только с восьмого-десятого вылета над Кореей освоился, наконец, с МиГом, и трудно его винить в малом опыте. В училище Мошкин летал на поршневых, первый как бы реактивный Як увидел только в строевой части. Почему как бы – потому что на деревянный Як-3, не мудрствуя лукаво, поставили трофейный немецкий реактивный мотор вместо поршневого, сопло вывели под брюхо. Считывая впечатления о полётах старлея на странном чуде техники, я был уверен, что на винтовом «Спитфайре» четырнадцатой или восемнадцатой серии уделал бы тот русский корч наверняка. Ну, почти наверняка. Потому что превосходство техники – далеко не всё, сбивал же на убогом И-15 более мощные и совершенные «Фиаты».

Потом полк Володи получил Ла-15. С каждым месяцем учебных полётов самолётов становилось меньше, вдов – больше. Наконец, перед самой отправкой в Корею-Китай «добровольцами» их пересадили на МиГ-15. После Ла-15 машина – супер! Но освоить её толком не дали, особенно в сложных метеоусловиях. Полк ввели в боевые действия сразу весь – и опытных пилотов, помнивших прежнюю войну, и салажню.

Им повезло, потому что американцы летали на старых самолётах с пропеллерами, а также «Шутинг Старах» и «Тандерджетах». У меня в теле Вани Бутакова в ипостаси британского эиркомандора Уилла Ханта был опыт знакомства с Ф-80 «Шутинг Стар». Скажу так, он оправдывает своё название, переводимое как «Падающая Звезда». Для Второй мировой самолёт был вполне на уровне, но устарел очень быстро. Против МиГ-15 – что лук со стрелами против пулемёта. Вот только, чёрт подери, из лука тоже убивают.

В тот день встретились именно «падающие». Ведущий Мошкина всадил очередь в Ф-80, ведомого в паре, и отвернул, чтоб не врезаться в обломки, брызнувшие из обшивки американца. Володька, топавший с отставанием метров на двести, сообразил: тот подбит, но вряд ли насмерть. Быстро убедился, что нет никого в задней полусфере, и сам пристроился к «Шутингу» как кобель к сучке. Когда стрелял, в мозгу его мелькнула торжествующая мысль: на земле плёночку проявят, увидят, как страшный лейтенант изрешетил америкоса. Он специально стрелял долго, с перерывами только для охлаждения пушек, чтоб камера прихватила мгновенья, как восьмидесятка разносится в клочья. Мелкое такое пижонство.

Отправив американца в лучший мир (первые лет двести-триста тот вряд ли оценит «лучшесть», попав на рога кому-то из моих бывших коллег), Мошкин быстро догнал ведущего, радостно проорал в ларингофон «Я – 193! Грохнул гада!», после чего самолёт обдало горохом.

Стрелял Ф-80 сбоку, с полукилометра, не меньше. Как смог рассчитать упреждение, понятия не имею. Но ведь попал!

Правую ногу обожгло. Мошкин матюгнулся, потянул ручку на себя, уходя с линии огня, обидчик прошёл где-то ниже. Можно было довернуть за ним, охота на Ф-80 – что на тигра в зоопарке, просунь ружьё меж прутьев клетки и стреляй. Но правая нога перестала слушаться. Я почувствовал, как кровь пропитывает подштаники и штанину, стекая в ботинок.

Парень не стал рисковать, доложил, что подбит и ранен, тянет к Андуну. Мягоньким выражом, педаль-то не дашь, развернулся на северо-запад. Ведущий обещал прикрыть. И мы пошли домой.

Всё бы хорошо, но минут через пять Володька начал терять сознание. Пуля не задела сухожилия и кость, прошла навывлет, зато перебила, видно, какой-то крупный сосуд. Разгерметизация кабины от пулевых дырок тоже комфорта не прибавила. Перед глазами Мошкина пошла рябь, в ушах появился неприятный звон, перебранка лётчиков стала отдаваться... Конец. Отлетелся.

Я отрубил его полностью. Остановил кровь, хоть слабость, конечно, сильнейшая. Думал, сейчас меня запросто собьёт пионер верхом на аэроплане братьев Райт, вооружённый одной только рогаткой. Пробитая нога кое-как подчинилась.

На моё счастье, летучих пионеров над Кореей мы не встретили. Я выполнил последний разворот над горами и выпустил шасси. Тело было контролировать гораздо труднее, чем самолёт, демоническое здоровье тоже имеет свои пределы. Самоустановка жалеть Мошкина едва не стоила ему жизни, мог ведь включить регенерацию сразу, не дать вытечь крови... Поздно размазывать сопли.

Расслабиться себе позволил только после остановки турбины, сил едва хватило открыть фонарь и перевеситься через борт. Как меня вытаскивали из кабины, запомнилось смутно.

Потом куда-то несли, везли. Наконец, яркий свет, уколы анестезии, в берцовую мышцу нырнула железяка, верно – зонд, достать лохмотья штанов и кальсон, занесённых в рану пулей. Душила злость: кровушки донорской подлейте! Бедро я и сам залечу. Пардон, не буду спешить, иначе слишком скорое исцеление покажется подозрительным.

Потом меня оставили в покое, и я уснул. А проснулся только наутро от прикосновений мягких ручек, подсовывающих мне в промежность утку. Володя сунул конец в холодное жестяное горло и, зажурчав, благодарно улыбнулся китайской медсестре. Это было последнее, что я позволил ему сделать самостоятельно.

«Привет, пассажир. Поздравляю!»

Наверно, мышцы лица ещё реагировали на движения его души, потому что узкие сестринские глазки округлились, она пискнула «что с вами?», насколько можно понять по интонации, кроме «нихао» почти не знаю местных слов, и убежала.

«Голос в голове... Я ранен? Я сошёл с ума?»

Он хотел сказать это вслух, но гортань и язык его больше не слушались. Вторая смена, новый хозяин, всем смирно, равнение на меня.

«Нет, успокойся. Ничего страшного. Ты не сошёл с ума. Ты просто умер от потери крови после пулевого ранения в ногу».

«Умер?!!! Но я же мыслю... Чувствую... Только не могу пошевелить рукой».

«Потому что это уже не твоя, а моя рука. Давай знакомиться. Я – Марк, демон из преисподней. Мне нужно твоё тело на несколько лет».

«Демонов не бывает... Я брежу!»

«Поверь, дружище, это будет очень увлекательный бред. Остаётся не слишком большой выбор. Могу прямо сейчас отправить твою душу на тот свет».

«В рай? Но рая нет...»

«Для тебя – точно. Ты не крещён, в церковь не ходил. Рукоблудствовал, мечтая о совокуплении без свадьбы и венчания, отнюдь не в продолжение рода согласно Божьей заповеди «плодитесь и размножайтесь», а только из-за похотливых помыслов. Стало быть, лет сто тебе выпишут как с куста. Режим так себе, общий. Заключённых грешников твоего калибра пытаются ежедневно, но не усердствуя. Откинешься с зоны – прикоснёшься к Божьей Благодати, и твоя душа отправится дальше».

Он не ответил. Для комсомольца факт наличия загробного мира столь же шокирующий, как для ксендза Юрия открытие, что посмертное существование души почти ничего не имеет общего с описанным в семинарских учебниках.

«Пока въезжаешь в ситуацию, расскажу второй вариант. Без тебя мне будет скучно. Знаешь ли, с живыми не особо пооткровенничаешь, признаваясь, что ты – демон из преисподней. Поверь, демоническая душа – штука нежная, хрупкая. Местами сентиментальная. Нам тоже нужно участие и доброе слово. А ты – мой самый доверенный собеседник. Потому что никому не выболтаешь, что я тебе расскажу».

«А потом?»

«Правильный вопрос. В теории моя миссия на земле закончится, и я вернусь к прежнему мрачному ремеслу – сдирать шкуру с грешников, ждуть минут пять, пока она отрастёт, и снова сдирать, посыпая солью. Или кислотой поливая, тут уж всё тяжести греха зависит... Ладно, тебе эти радости не прямо завтра грозят, расслабься. Более того, пребывание со мной – не сахар. Глядишь, приравняют когда-нибудь новопредставленного раба Божия Владимира к святым великомученикам. Итого: миссия закончится, я свалю, ты останешься в том же теле, живи себе, сколько Богом отмеряно».

«Я сплю. У меня галюники от потери крови».

«Нормальная реакция. Пройдёт дня три, пока поймёшь – ты арестант в собственной черепашке, а Владимиром Мошкиным правит другой».

Появился врач, русский.

– Как самочувствие, больной?

– Какой больной! Царапина. Вот только крови вылилось, словно пороса кололи. Товарищ военврач? Где здесь хорошей водки купить, нашей?

– Вам нельзя водку, старший лейтенант!

– Так точно. Но техников надо взбодрить. Знаете, каково отмыть кабину от литра крови? Вспотеешь, хоть и март. А мне ещё летать.

– Про «летать» не торопитесь. Вы серьёзно ранены. Вот подлатаем вас, отправим в Пекин. Оттуда в Союз. Жена или девушка есть? Обнимите уже скоро.

А янки будут летать над Кореей и расчищать дорогу перед своими «Суперфортрессами», которые могут притащить атомную бомбу на глубину в две с половиной тыщи кэ-мэ советской территории. Что там мой атеист говорил, сорок миллионов? Скверные прогнозы обычно не просто сбываются, а перекрываются. Нет уж.

Я слез с койки и аккуратно поставил полную утку на пол.

– Товарищ доктор! Лучшее лекарство для раненого – перспектива возвращения в часть, а не дезертирство в тыл. Вы коммунист?

– Коммунист, – с иронией подтвердил он. – Но к медицине это не имеет...

– Всё имеет значение! Я – комсомолец. Интернациональный долг зовёт меня на помощь братскому корейскому народу. Как верный сын страны Советов, проникшийся бессмертным учением Ленина-Сталина, я рвусь на фронт, как стремились на фронт наши отцы, чтоб гнать фашистскую сволочь до Берлина.

Эскулап покачал головой. В глазах его читалось: «здорово же тебе промыли мозги, парень».

Я прогулялся по палате, босой, шлёпанцев не нашлось. На мне белела хлопчатобумажная рубаха на завязочках. Ни трусов, ни кальсон.

– Легли бы вы в постель.

– Я бы лучше в столовку ходил. Есть охота – жуть. Только пижаму скажите принести, товарищ военврач. Не хочу смущать китайских сестричек волосатыми ногами.

Голова кружилась. В самолёт такому нельзя, первый же вираж выбьет из меня дух. Но проявлять слабость недопустимо, вдруг в самом деле – в Пекин, паровоз до Москвы и до свиданья, Андун. Здравствуй, преисподняя. Не вариант.

– Ложитесь! – доктор решил проявить твёрдость. – Завтрак вам принесут в постель. К обеду получите пижаму и осторожно... Запомните – осторожно! И только в присутствии сестры пойдёте в столовую. Она на этом же этаже.

– Проведём, не сомневайтесь, – встрял мужик с соседней койки, две других были пустыми. – Что вы, доктор, к парню пристали? Рвётся в бой, а вы его – в Союз, к бабам.

– Это авиация, Семён Семёнович! – разозлился тот. – Реактивная, с перегрузками. Надо смотреть, наблюдать, как идёт заживление, не нарушены ли функции. Какие будут жалобы.

– Да только одна, товарищ военврач, – я сделал виноватую мину и продолжил. – Стояк у меня, как сестричку увидел. Могу показать. Что делать?

– Могу вам дать направление для решения проблемы хирургическим путём. Чик – и на всю жизнь. Соблюдайте дисциплину, больной. Ещё лёгчик, называется.

«Ты правда рвёшься обратно в Андун? Зачем?»

«Бить амеров. Уж точно у меня лучше получится, чем у тебя. Помнишь, как чуть не разбились в бою с «Шутинг Стар»? Какого члена ты газовал в пикировании?»

«Так это ты выровнял МиГ...»

«А кто ещё кроме меня? Пушкин? Считай, ты вчера уже второй раз погиб, первый я тебе простил. Всё, проехали».

«Слушай, демон. Как тебя, Марк? Ты говоришь, у меня выбор – сразу в ад или канителиться с тобой в голове».

«Хреново слушал. Это мой, а не твой выбор. У тебя никакого выбора нет. Это мне решать – остаёшься со мной или валишь в преисподнюю».

«Там нет неба. Нет самолётов. Я так мечтал... Жилы рвал...»

Нет, он положительно лучше, чем Ванятка в день моего вселения. Тот как ребёнок радовался, что ему вместо вылетов выписывают фуфельные лётные часы, а его авиационная деятельность ограничивается комсомольскими «боевыми листками» да бегом по аэродрому с вытянутыми руками и бормотанием, вроде как сталинский сокол, но пеший по-самолётному. У Бутакова был лишь один несомненный плюс – мягкая и податливая жена. Настолько податливая, что быстренько дала кому-то, стоило уехать в Испанию.

Но здесь без жён. Семьи советских «добровольцев» даже понятия не имеют, где обретаются их папы или мужья. Уверен, похорожки получают в духе «погиб от несчастного случая при посадке» или от чего угодно другого, но точно не от пули «Тандерджета» над Кореей. Поэтому, будь у Мошкина жена, супружеские ласки в Китае мне бы не грозили.

«Получишь ещё небо. А если поклянёшься не тявкать под руку и не нудеть, дам и самому порулить. Сейчас другая проблема – к полётам вернуться. Очень не вовремя ты эту пулю схватил».

По причине очевидной с Володькой беседовали мы долго и много. Периодически он хандрил, жалуясь на судьбу, а я тогда подумывал, как бы его сплавить на зону к зэ-га на денёк, чтоб потом был благодарен до усрачки, что позволяю ему видеть солнце. Но – никак. Если спихну его душу, мне её не вернут.

Жизнь стала веселее, когда та же китайка принесла пижамные штаны и куртку, а к ним плетёные тапочки. Натянув портки на голое тело, про бельё девушка почему-то не подумала, я прошагал в столовку, отвергнув помощь соседа, где в три счёта проглотил свою порцию овощей с курицей, потом выпросил столько же добавки и тройной компот. Подстёгнутый метаболизм привёл к ускоренному усвоению пищи, уже через пару часов я был снова голоден. Рана зарубцевалась, при перевязке доктор охренеет... Это его проблемы.

После ужина, снова – двойного, я слонялся по коридору. В больнице советских практически никого, китайского не знаю, а если тут кто-то говорит по-испански, по-французски, по-английски, хотя бы на идиш, сам не признаюсь, ибо понимаю: палиться нельзя.

Всюду плакаты. Без перевода догадываюсь, что председатель Мао – великий кормчий, партия – наш рулевой, вперёд к победе коммунизма, мойте руки перед едой. Я бы почитал даже лозунги и инструкцию о пожарной безопасности, не срослось. Моё дремотное состояние в уголке сознания Мошкина улетучилось бесследно, в обретённом теле я чувствовал дурной энтузиазм, желание что-то делать, ну хоть что-нибудь. К примеру, выпросить у медсестры шахматы и сыграть с соседом по палате на трусы...

Кстати, трусы надо истребовать у той самой медички. Неужели не понимает, что у мужчин натирает?

Я остановился перед зеркалом и одёрнул пижамную куртку, напоминавшую покроем партийно-коммунистический френч. Да, внешность у Мошкина столь же малосолидная, как у Бутакова. Щуплый, чернявый, невысокий, сбритые короткие волосёнки за время службы в Китае подросли и топорщатся в разные стороны. Тёмно-серые глаза смотрят вопросительно, но это только пока на себя тарашусь. Без иллюзий – у меня нет пронзительно-соблазняющего взгляда голливудской кинозвезды в роли ковбоя с Дикого Запада. Ладно, работаем с тем, что есть.

– Мадемуазель чайна-систа! Был бы благодарен, если бы выделили мне трусы или кальсоны.

Нарисовавшись перед столиком, где отдыхала сестричка, раздавшая пациентам вечерние пилюльки (я свои втихую выкинул), показал жестами, какой части гардероба мне не хватает.

Девушка изумлённо возрилась на меня и что-то сказала. Наверно, даже не девушка, а молодая женщина между двадцатью пятью и тридцатью, проще сбить «Тандерждет», чем определить возраст китайки. Она была ничего, если только по вкусу азиатки с типичным разрезом глаз и хрупкой фигуркой ростом, наверно, меньше полутора метров.

Я повторил вопрос и снова провёл ладонью по штанам. Пошли в подсобку или склад, где там у вас бельё? От твоего щебетанья на мне трусы не вырастут!

Она вздохнула, опустила ресницы и направилась в дальний конец коридора. Медицинский халатик, по идее – просторно-мешковатый и асексуальный, скорее подчеркнул, чем скрыл её миниатюрные формы. У двери китайка обернулась и быстрым взглядом окинула коридор, затем потянула меня внутрь.

Там всё началось чрезвычайно быстро, без предисловий. Она толкнула меня на мешки с чем-то мягким, сама набросилась сверху. Не знаю, что и как там с восточной техникой соблазнения, девушка действовала очень по-простому, зато душевно. Опыт у неё, бесспорно, имелся.

Через минуту на мне не было не только пижамы, но и рубахи на завязочках, та улетела куда-то в обнимку с халатиком сестрички. С какой-то реактивной скоростью барышня достигла кайфа и сама себе зажала ротик, сдавливая крик, рвущийся в такт движениям. В полумраке кладовки я видел её расширенные миндалевидные глаза, в них полыхало какое-то очаровательное безумие... Я кончил, будто выстрелил из пушки в «Тандерждет». Буквально через несколько секунд почувствовал, что потратил не весь боекомплект или же перезарядился мигом. Руки снова обвили её и перевернули на спину, губы нашли вишенки сосков на крохотной груди. Накатило ощущение, если через секунду не начну, меня просто разорвёт...

Когда отдышались оба, и китаянка шепнула мне что-то ласковое, я спросил Володю: «Тебе понравилось?»

«Вышка! Даёшь, чертяка подземный».

«Я же обещал: со мной будет трудно, но весело».

Девушка вдруг заторопилась, показав пальчиком на дверь, и принялась натягивать халатик. Мне ничего не оставалось, как взяться за пижаму.

Только в палате я вспомнил, что так и не выпросил у сестрички бельё, хоть красноречиво гладил ладонями себя по... Какой же я дебил! Она решила, что пациент охаживает свои гениталии, и подумала: нужно помочь русскому лётчику-герою. Неудобно вышло. Вот и попробуй найти взаимопонимание с этими китайцами. Впрочем, я не в претензии.

Глава 3

Фото на память

Сверхъестественная скорость заживления привела в шок доктора Вашкевича. Он колупал шрамы на месте выходного и входного отверстия. Могу и их зарастить, причём – непроизвольно, если симпатичная медработница снова затянет меня в кладовку, и гормональный всплеск подстегнёт обмен веществ. До вселения в Бутакова я даже слов таких не знал – обмен веществ, метаболизм. В Англии чуть повысил уровень образования.

– Старший лейтенант! – воскликнул Вашкевич. – Никогда бы не поверил, что такое возможно за два дня, если бы сам не делал дренаж раны.

– Согласен! – я зябко поёжился, кальсонами и трусами так и не разжился, даже носками. Всё же март, не май месяц, прохладно. – Только вечером того же дня пришёл ко мне пожилой китаец, размотал повязку, приложил какие-то мерзко пахнущие тряпицы и велел не снимать до утра.

– Он говорил по-русски?

– Да. Почти без акцента. Конечно, это ещё более странно, чем заживление раны. Хотя... у меня есть предположение.

– Какое же?

– Я всей душой потянулся к товарищу Сталину и попросил: помогите, дорогой Иосиф Виссарионович! Хочу воевать за трудовой народ.

Скептик-эскулап разве что пальцем у виска не покрутил. Зря. По Мошкину знаю, и по его однополчанам тоже, товарищ Сталин для них – это всё. Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полёт. Обращение к нему невероятные силы пробуждает. С именем Сталина на устах бросались грудью на амбразуру, кидали самолёты на огненный таран вместо того, чтобы прыгнуть с парашютом или тянуть к своим. У закоренелых материалистов вроде Вашкевича, не понимающих силу самовнушения, крайне ограничен кругозор.

С русскоговорящим китайцем я попал в цель. Проигнорировав упоминание Генералиссимуса, доктор загорелся поисками чуда народной медицины. Как же, сверхбыстрое исцеление советских лётчиков. Может – и сверхбыстрое излечение членов ЦК КПСС! Голова кружится от такой перспективы.

В общем, я отправился в санаторий неподалёку от Андуна поправлять здоровье. Надеюсь, к возвращению в авиа часть и у полковой медслужбы не возникнет особых вопросов по поводу быстрой регенерации. Обойдёмся без военно-врачебной комиссии для допуска к полётам.

Было это так. К госпиталю подкатил «Виллис», ещё от американцев оставшийся, в нём Петро Сидоренко и мой комэск Вишневецкий. За рулём сидел китаец. По новому революционному закону, любой иностранец, даже из категории «русский с китайцем братья навек», сбивший на машине китайца, был обязан пожизненно содержать семью усопшего, даже если погибший в ДТП сам виноват в происшествии.

Наших Вашкевич предупредил, привезли шинельку, бельё, ботинки, штаны. Переодетый, я забрался на заднюю скамейку. Пока ехали, пообещал: вернусь в часть, отметим сбитый «Шутинг». По тому, как отвернулся командир эскадрильи, понял, что дела обстоят нехорошо. Он рассматривал завезённые французами платаны, которыми была обсажена дорога, будто в сплетении их ветвей мог увидеть что-то новое.

Водитель лавировал между крестьянами. Попадались изредка и повозки с запряжённой хилой лошадкой, обычно низкорослой, как вариант – парой ослов, но большинство «грузовиков» представляли собой крепьшей в однообразных чёрных либо тёмно-тёмно синих куртках типа телогрейки и круглых чёрных шапочках, толкавших одноосную деревянную тележку. Кто в стоптанной обуви или в обмотках на ногах, кто в деревянных башмаках на босую ступню.

Велосипедистов встречалось немного и ни одного на велорикше, о которых слышался из рассказов о Востоке. И хотя Мошкину вылили на голову ушат агитации по поводу блестящего будущего у революционного коммунистического Китая и беспримерном энтузиазме подданных Мао, ничего подобного здесь не наблюдалось. Люди были задавлены бедностью и тяготами. Война с японцами и гражданская настолько загнала их в нищету, что они просто выживали... Ни на одном лице не читалось радости по поводу приближения весны.

Почти не видно было женщин. Сплошь почти – мужчины, в двенадцать, наверно, смотрящиеся на тридцать и так до старости, по лицу крестьянина китайского Востока сложно прочесть его возраст. Женщины, кстати, тоже в чёрном. У одной помоложе мелькнул на шее красный революционный шарфик. Иногда в толпе чёрных пижам женщин трудно отличить от мужчин, у них такие же грубые обветренные лица.

Забрызганная советская «Победа», а сквозь грязь всё же проглядывал лак и хром, двигавшаяся навстречу, здесь производила впечатление лимузина «Кадиллак». С китайцем, разумеется, за рулём, пассажиров я не разглядел.

Пешее, гужевое и велосипедное сообщество аборигенов, как несложно догадаться, игнорировало любые правила дорожного движения. Наверно, при прежнем правительстве или при японцах чёрная крестьянская масса брызгала по сторонам к обочине, стоило придавить клаксон. Но сейчас это были свободные граждане революционной Поднебесной. И решение доверить руль только аборигенам – правильное, здесь совладеет лишь тот, кто годами правит машиной в здешнем бардаке. Клянусь рогами, если бы столь недисциплинированные китайские пешеходы слонялись бы и по небу над Андунем, я бы бросил авиацию и, как говорил один грешник из СССР, переквалифицировался бы в управдомы.

Наконец, «Виллис» тормознул у ограды санатория. Входные ворота венчались арочным сооружением в древнекитайском стиле, с вытянутой гнутой крышей а-ля пагода. Около арки виднелась пара небольших каменных дракончиков, облупленных и совсем не грозных. На арке и на стенах дома в изобилии красовались бело-красно-белые плакаты с россыпью иероглифов. Без переводчика прочту: «Поправляй здоровье, строитель коммунизма! Твой труд нужен Народному Китаю!»

Чего-то не хватает... Ошибочка, всё на месте, вот он – портрет Мао с иероглифической подписью рядом, наверно – пожелание здравствовать от имени вождя нации. Революция победила в сорок девятом, но уже сейчас, спустя полтора года, размножение цитат и портретов вышло на вполне советский уровень, а то и опережая СССР.

Меня провели в комнату на двоих, аскетическую, но по местным меркам практически роскошную, вторая койка пустовала. Главным украшением её служил ещё один портрет Председателя, для приятности советскому пациенту дополненный фигурой Сталина, оба смотрели друг на дружку как влюблённые перед алтарём и крепко тискали руку товарища по борьбе.

Вышедший для встречи русского гостя заведующий этой богадельней немного говорил по-русски, видно – побывал в СССР. Мне выписано десять дней отдыха и покоя, ароматиче-

ский чай на травах, массаж, что-то ещё, чему китаец не знал соответствующего русского слова, и я даже напрягся при мысли: выдержит ли демоническое здоровье народную медицину.

Как только заведующий удалился, Петро извлёк пузырь советской водки и закуски, отдающую родной столовкой авиаполка, а также стаканы. Лётчик – он и в Китае лётчик, знает, что в полёт надо всё брать с собой, в воздухе не попросишь добавки. Пока наш добровольный гарсон наливал да делил, Вишневский расспросил о здоровье.

По большому счёту, я меж двух огней. Слишком быстро поправляюсь – подозрительно. Если долго – загонят на ВВК, военно-врачебную комиссию. По опыту крушения под Лондоном помню – лучше быть здоровым, чем больным, я тогда тупо сбежал из госпиталя и вернулся на авиабазу. Правда, для фигового листка правдоподобности шрамы на морде пришлось хранить до самой смерти, точнее – до гибели иванова тела в «Метеоре», когда мы протаранили «Мессершмит».

Чтобы командир эскадрильи не мучился сомнениями, сплясал ему ирландскую джигу. Надо бы что-то русское, но не знаю ничего подходящего, а Володька ещё не настолько доверенный, чтоб дать порулить ему ногами.

– Силён! А ведь когда тебя из МиГа достали, совсем нежилец был. Кровищи на полу – впопору рыб запускать и аквариум делать.

– Как прикажете, товарищ майор. Аквариум – будет аквариум. Что там со сбитым? Я долго гашетку жал. ФКП должен был мировое кино заснять.

Вместо ответа командир открыл планшет и кинул мне фотку, кадр из фотокинопулемёта, таких я видел тысячи – и в прежнем теле, и в мошкинском. На снимке красовались наши самолёты, вдалеке – склад ЗИПа с печной трубой. А где следы снарядов, хвост американской «восьмидесятки», разлетающийся в лохмотья?

– Такое дело, Володя, – Петро сунул мне стакан. – Целое служебное расследование провели. Оказывается, за день до вылета ковыряли техники твой самолёт. Один, бисова душа, заснул в пилотском кресле и навалился пузкой на ручку. Как-то гашетку нажал. Пушки не заряжены были, да и оружие не включено. А ФКП заработал и плёночку всю отстрелял. Технари не заметили и не заменили её. Вот ты и привёз вместо «Шутинга» пейзаж нашей округи. Но ты же его сбил? Сбил! Так выпьем за твою первую победу!

Первую? Первые были в Испании. Потом в Польше. Потом в Великобритании. Потом в СССР. Над Северной Африкой. Над Японией. Ребята, я – абсолютный чемпион мира по числу незачётных воздушных побед. Их порядка сорока, а я снова пью за первую. И опять – незачётную, её записали ведущему. Осталось только дурацкое фото с печной трубой на память.

Думал я достаточно громко, Володька услышал и взмолился: «Расскажешь про все?»

Про все – нет, многие не помню. Или не в деталях. Пока наслаждайся. Пью я один, расслабуху чувствуем оба.

Бутылка опустела за четверть часа, мои кореша-сослуживцы явно не думали, что буду налегать наравне с ними, большие обычно половинят. Руку жали, обещали прислать машину через десять дней. Посмеивались, когда я попросил: не сбивайте всех янкесов, мне оставьте. Петро даже заметил, что его друг Володька совсем другим стал, весёлым и говорливым.

Он прав. Получив снова тело во владение и пережив в нём приключение с сестричкой, я распоясался, надо умерить пыл.

Знакомство с персоналом санатория подтвердило опасение, что легкомысленных амурных дел здесь не предвидится. Думаю, тот эпизод в госпитале – случайность. Уклад патриархальный, взгляды, скорее всего, консервативные. Шаловливых доступных медичек здесь вряд ли много. Да и началась странная пропаганда за снижение рождаемости, а где секс, там и дети. Не всегда, но часто.

«Не унывай, Володька. Потом наверстаем. Сейчас другая проблема важнее. Слышал – нам замену пришлют?»

«Ну да. Срок командировки кончается. В Союз вернёмся».

«Тебе что – гарнизонной жизни хочется? Налёта сколько-то десятков часов в год, исключительно учебно-тренировочных? Брось! Ты же военный лётчик, а не небесный рикша. Пусть всего лишь мой пассажир».

«А чего хочешь ты?»

Я развалился на койке. Вынужденное безделье на пару с подопечным начало угнетать. Помню, ровно так же зимовал с Ванькой у испанского крестьянина, радио слушал... Эврика, радио! Тут Южная Корея не так далеко, базы США, наверняка на коротких или средних волнах поймаю американцев, они точно своих не оставят без джаза, блюза и рекламы стиральных машин.

Единственный радиоприёмник солидной марки «Телефункен» отыскался в кабинете заведующего. К нему я и напросился. Тот не без колебаний разрешил. Ещё бы, советский лётчик-подранок – особый клиент. Вроде все китайские люди – братья, равноправные и свободные до поросычьего визга, но кастовость у них в крови! Я – уважаемый. Уверен, на моём месте был бы уважаем офицер местных ВВС. А попади в санаторий неким чудом работяга-кули, об него ноги вытирали бы. Но не моя задача переделывать их в духе демократии, тем паче в преисподней демократией даже не пахнет.

Ночью, сделав тихо-тихо, чтоб никто не слышал в коридоре, я скрючился у «Телефункена» при жёлтом свете шкалы и крутил верньер настройки. Да здравствует радио! Если меня вдруг вернут обратно на зону к славянам, чесслово найду грешника Наркевича-Иодко, впервые в мире продемонстрировавшего другим грешникам приём-передачу ещё в феврале 1891 года в российском Санкт-Петербурге, и облегчу ему пытки как смогу – в благодарность за то, что его изобретение скрасило часы моего пребывания в этом санатории.

Я слушал английские, французские, испанские голоса... Ночью короткие волны приобретают волшебное качество огибать мир, голоса передатчиков слышны на другой стороне планеты. Как это происходит, когда над самим передатчиком сияет солнце? Понятия не имею. Спросите что попроще, например, как крутануть иммельман и не свалиться в штопор.

Не скажу, что русский язык мне не мил. Но в теле Мошкина я слышал по-русски матюги, политпросветительные накачки, всякое техническое из области авиации и про всякую бытовуху, последние два пункта – тоже отчасти матом. Это нормально, только несколько однообразно. А «Телефункен» дарил мне стихи, песни под гитару. Слушал я новости, обработанные не советским армейским политотделом, а пропагандой американцев, тоже враньё, но совершенно иной взгляд на вещи.

Самая банальная радиопьеска с поползновениями на юмор в жанре комедии положений вызвали восторг не меньше сексуального! Наверно, появись здесь чайна-систа, я бы отвлёкся с ней на полчаса, но потом всё равно прилип бы к радиоприёмнику.

«Чего же хочешь ты?» – спросил меня Володя, и я не нашёлся сразу, что ему ответить.

Много лет мои желания не имеют определяющего значения. Марксисты твердят: свобода – это осознанная необходимость. Мою необходимость осознают за меня другие, существующие за барьером жизни и смерти. Но сейчас редкий случай, что я сам подпишусь бороться для той же цели – не допустить начала очередной мировой войны. Пусть мой вклад будет невелик, сколько-то сбитых бомбардировщиков или истребителей прикрытия – пусть. Каждый должен что-то делать на своём месте. Наверняка я – не единственный агент под солнцем, есть и другие. Они тоже делают нужное на своём месте.

Поэтому сейчас я хочу одного – соскочить при отзыве авиаполка в Союз и перевестись в прибывающую часть, чтобы задержаться в Китае сколько возможно.

А пока – отъедаемся. В столовой авиачасти дают пищу европейского типа и казённого качества. Здесь, в санатории, не удалось отведать утку по-пекински, зато поел мяса удава с лап-

шой нереальной длины, удав здесь – редкий деликатес. Близ всех общепитовых мест в Китае витает запах растительного масла, им обожают поливать и на нём жарить.

Чтоб не разжиреть на китайско-народных харчах, начал заниматься, закрывшись в своей комнате. Всякие кун-фу, карате-до и карате-после происходят отсюда, из Восточной Азии. На том свете я поднаторел немного, нахватавшись от покойных умельцев махать руками-ногами, очень помогало умирять слишком буйных зэ-га. Знания и навыки со мной, но к ним нужно приспособить тело.

На заднем дворе перерубил мелкой ладошкой Мошкина десяток-другой кирпичей и ухмыльнулся: если бы Вашкевич узрел такое перевоплощение худосочного пилота под действием китайских травок и китайской кухни, точно побежал бы строчить диссертацию. Сразу докторскую – он же доктор.

Глава 4

Пепеляев

В назначенный день китаец прикатил один. Он твердил «Андун! Андун!» и что-то показывал руками. Почему с ним не приехал никто из полка, он объяснить не смог. Точнее – объяснял, но я ничего не понял.

Мы вернулись к домам неподалёку от аэродрома, бывшим японским казармам, где квартировал лётный состав. Там было пусто. Валялся какой-то мусор возле дверей, окошко хлопало на ветру. На календаре первое апреля. Это что – шутка такая?

«С Петром не попрощался», – опомнился Володька.

«И хорошо. Надо мной висит проклятие, распространяющееся на друзей и всех близких. В Испании фрицы поймали моего товарища, сослуживца ещё по Бобруйской авиабригаде, измордовали, порубили на куски и сбросили их нам. Со всеми держим ровные отношения, ни с кем не сближаемся. Ради их блага».

Я отправился в столовую. Там китайцы, понимающие по-русски, если повезёт, то и советский пастух-старшина.

Увы, старшины не нашлось, понимание местных не простиралось далее аксиомы, что русских надо кормить. Даже – отсутствующих. Во всяком случае, котлы были полны, клубился рисовый пар, тушились овощи, пахло жареной рыбой. Лежали синие куры перед разделкой, здесь их убивали не сворачиванием головы, а каким-то изуверским способом, чтоб вышел злой дух. Не понимая, что делать, кому докладываться, не в штаб же дивизии, я вышел наружу и вдохнул апрельский воздух. Здесь первого апреля гораздо теплее, чем в Лондоне.

А потом раздался нарастающий звук, который трудно с чем-то спутать. С запада над невысокими горами в небе проступили две точки, быстро увеличивающиеся в размерах, за ними – другая пара.

«Володька, это наш шанс летит! Скорее на поле!»

Вижу, доставивший меня китаец поднял капот и колупался в моторе. Надеюсь, ничего ответственного выкрутить не успел.

Я кинулся к нему и жестами показал – нужно на аэродром. Напрягая более чем скудные познания в китайском, около десятка слов, промычал «букхэтси!», что должно было означать «пожалуйста». Не знаю, что вышло, водитель глянул на меня ошарашенно, как будто узрел мою демоническую сущность, и без разговоров захлопнул капот, через минуту мы понеслись к лётному полю. Обычно лётчиков возили на автобусах с правым рулём, технарей – на бортовых грузовиках.

На стоянках осталось несколько самолётов от моего прежнего полка, не знаю – запасные, неисправные или предназначенные в дар одному из двух братских народов – китайскому или северокорейскому. Скорее – корейскому, судя по характерной форме красных звёзд в кружке.

По рулѐжке катился МиГ-15 с цифрами 325, заходил на посадку следующий – с красным до кабины носом, оттого похожий на... не буду пошлить.

У стоянок суетился незнакомый мне технический персонал. Я обождал малость, пока по приставной лесенке выберется из кабины пилот первого самолѐта, обычно это командир части или эскадрильи, и двинул к нему.

– Старший лейтенант Мошкин! Прибыл из санатория для дальнейшего прохождения службы!

– Направлен к нам, в 196-й иап? Где предписание?

По крайней мере, знаю номер истребительного авиационного полка. Теперь надо в нём закрепиться.

Лѐтчик стянул с головы шлемофон и нацепил поданную техником советскую фуражку, с явным неодобрением разглядывая мой прикид. Особую неприглядность китайской форме придавала блѣклая кепка, заменяющая фуражку. Хорошо хоть, шинель прикрыла ноги до колена, китайские штаны, подходящие по размеру в талии, пузырились на заднице и на бѐдрах. Да и внизу, собранные в складки и стянутые обмотками пехотных башмаков, ничуть не лучше. Само собой, платок с драконами на шее, меня в нём привезли в госпиталь, не оставляя же.

– Нет предписания, товарищ...

– Полковник Пепеляев.

– Нет приказа, товарищ полковник. Вернулся в свой полк, полка нет. Разрешите остаться в вашем. Рапорт напишу хоть сейчас. Вам же понадобится лѐтчик с боевым опытом?

Пока мы с ним препирались, подтянулся пилот второго МиГа, собирались техники. Нестроевой охламон в моём лице привлекал всеобщее внимание.

– Сколько у вас боевых вылетов, Мошкин?

– Двенадцать, ведомым. Один сбитый, но мне его не засчитали.

Я извлѐк из внутреннего кармана злополучную фотку и показал на дом с трубой. Услышав историю про уснувшего в кабине технаря, Пепеляев хмыкнул:

– Слышал, что в вашем полку раздолбайство. Ну вот – лично убедился. Один ваш внешний вид, товарищ старший лейтенант... Почему за собой не следите?

– Виноват! Выполняю приказ по дивизии – носить форму китайского добровольца. Ботинки – чтоб с ног не слетали при раскрытии купола парашюта. А платок я и вам советую, товарищ полковник. Если без него полетаете в китайском, вся шея будет в чирьях.

– Может вы и опытный, Мошкин, но опыт у вас какой-то... странный.

– Так сама война странная, товарищ полковник. Мы – то ли китайцы, то ли корейцы. Над морем не летай, на юг к 38-й параллели не летай, в плен не сдавайся, чтоб не узнали о советских лѐтчиках в МиГах. Американцы носятся где хотят.

– Правда? – приподнял бровь Пепеляев. – Нам доводили, за реку не залетают. Только над Кореей.

Я промолчал. Полковник – калач тѐртый. Судя по возрасту, он успел с немцами повоевать, знает, что доведѐнное зачастую не имеет ничего общего с реальным.

– Ладно! Рапорт пишите. Но учтите, вакансий нет, полк укомплектован полностью.

«Появятся вакансии, – шепнул Володька. – Возьмѐшь, ещё и спасибо скажешь».

Комполка отвернулся к своим, но, что-то вспомнив, ещё раз дѐрнул меня.

– Мошкин! С «Сейбром» встречался?

– Нет, товарищ полковник. Только слышал о них.

На самом деле даже летать приходилось. Американцы очень им гордились, пытались втюхать Великобританию, когда я ещё служил в Королевских ВВС. Шикарная машина, на порядок лучше «Метеора», красивая, скоростная, просторная, удобная. Отличный радиоприѐл, автоматом вносит поправку на дистанцию до противника. Высотный противоперегрузочный костюм хорош, в него подкачивается воздух по мере нужды, не даёт крови отлить к ногам. Но

вот погонять его на предельных скоростях, как Мошкин насиловал МиГ, едва не убившись, не довелось. Может, нет у «Сейбра» валёжки, может она и есть, да только амеры лукавят и потому не дали мне его раскоचेгарить до паспортной тысячи с хвостом, чтоб не спугнуть клиента.

Похоже, моя откровенность и то, что не набивал себе цену охотничьими байками о сбитых «Сейбрах», пришлись ко двору. Пепеляев обещал даже, если не найдётся у него места, подбросить меня к соседям в 176-й гвардейский иап.

Лучше – не надо. К гвардии всегда больше внимания. В том числе Особого отдела. Конечно, меня не опознают и не спалят, как замполит у Покрышкина в 1943 году, Володя совсем не похож ни на Ваню Бутакова, ни на Билла Ханта, но... Короче, не надо.

День и вечер прошёл в заведении новых знакомств. Можно сказать, ранение и госпиталь помогли. Русских-советских, знавших прежнего Мошкина, не осталось, а то даже Пётр заметил разницу. Теперь вряд ли обнаружат подмену.

Здесь проще. В прошлом вселении заставил бросить пить красного военлёта, чтоб получить допуск в небо, в авиабригаде тут же решили: от горящих труб у комсорга съехала крыша. В реактивной авиации всё же не так, строже, да и парни сами понимают: пьющий лётчик – не жилец, особенно на войне.

Даже прибытие особо не отмечали вечером. Кто-то припас пузырь или два, получилось по капле на нос, мне не налили.

На следующий день я отправился на аэродром около шести утра вместе со всеми. Рапорт о зачислении в 196 иап с визой Пепеляева ушёл бродить по бумажным коридорам, у меня нет ни самолёта, ни места в эскадрилье... Правда, на стоянке обнаружился мой МиГ-15 с залатанными дырками от пуль «Шутинга», он дремал с затянутым брезентом воздухозаборником, возле него не сутилась обслуга, приготавливая к взлёту. Экспонат, а не самолёт.

Я вернулся к домикам на краю аэродрома, где ждали лётчики второй очереди готовности. В дежурной эскадрилье они сидели уже в машинах с открытым фонарём, припекаясь на весеннем солнышке. Погода – миллион на миллион. Зуб даю, американцы прилетят. Если не Б-29 с истребительным прикрытием, то «Шутинги», «Тандерджеты» или что-нибудь морское обязательно.

Закурил, прислонившись к деревянной стенке домика. Увидел Пепеляева, раздававшего поручения и заодно ордена святого Ебукентия нерадивым, он, похоже на эти ордена не скупится. Зато порядка и правда больше, а это только первые сутки пребывания полка на авиабазе.

Но в одном он бессилён. Посадил эскадрилью в готовность, а парни здесь ещё не облётаны, не знают ориентиры, не привыкли к дороге в Корею через Ялудзян и дальше на юго-восток. В полёте каждая мелочь важна, любая неуверенность, в том числе в навигации, мешает здорово.

Эх, была бы такая карта, чтоб ползла по ней стрелочка, обозначающая положение и курс самолёта... Размечтался. Ничего подобного не будет никогда.

Вдруг вой сирены. И зелёные ракеты над аэродромом. Пепеляев, бросив разнос замполтеху, срывается и бежит в хибару, где рация, едва фуражку на бегу не теряет.

Сирена означает: вражеские самолёты близко, и американцев не остановило, что здесь – территория КНР. МиГи идут попарно на взлёт, я кусаю локти, что в одиночку не запущу свою птичку, даже если она заряжена и заправлена, и заодно ломаю голову: как операторы радаров проспали? Вон РЛС красуется на сопке, что они там, сопли жуют? Или помехами забиты частоты.

А может – ложная тревога? С юго-востока, над рекой, к нам приближались МиГи. Первая мысль была – кто-то шибко умный направил ещё один полк на заполненный аэродром. Шли они низко, на скорости, не выстраиваясь в цепочку для разворота в створ ВПП... И только тут до меня дошло: это – «Сейбры»! Проскочили низко, спрятавшись от радара, а без большого опыта от МиГов их не отличить – то же стреловидное оперение. Сейчас как врежут!

Имей они запас высоты, стали бы в цепочку над полосой и сшибали наших на взлёте как уток из дробовика. Но их командир поставил машину на свечку, драться у самой земли не желая. МиГи сразу после взлёта тоже ломанулись вверх, где завязалась карусель. Точно как Лондон, сентябрь сорокового... Только самолёты реактивные, а я прикован к земле и клювом щёлкаю.

По-умному, вытянув на себя дежурные МиГи, американцам стоило подтянуть «Тандерджеты» и ввалить по нашим стоянкам, по рядам машин, по складам ГСМ. Пилоты второй готовности кинулись по машинам, все свободные запрокинули головы и смотрели в небо, а я как единственный трус на аэродроме всматривался до рези в глазах – не мелькнут ли среди стреловидных истребителей прямые крылья штурмовиков...

Бой растянулся ввысь и вширь. Поднялись и соседи. В воздухе крутилось и опустошало магазины около сотни машин. На лётное поле падали стреляные гильзы и куски рваного металла. Рёв моторов, стрёкот пулемётов, короткое рыканье пушек, небо надо мной гремело битвой, в которой я не участвовал!

Чуть не на голову высыпались крупнокалиберные пулёмётные патроны. Наверно, кто-то засадил американцу, разломав боеукладку пулёмёта. Так их!

Из «собачьей свалки» вывалился самолёт и в штопоре понёсся вниз, наследив за собой чёрной дымной полосой. За пригорком взметнулось пламя, секунд через пять-семь донёсся грохот взрыва. Американец или наш – не знаю. Видел лишь, что никто не спустился на парашюте.

Вечером был разбор полётов. Пепеляев говорил кратко, резко, взволнованно. И практически без мата, это настолько контрастировало с привычным мне лётчицким говором, что только усилило впечатление.

– В 176-м иап одна потеря, самолёт упал за сопками, пилот погиб. У нас потерь нет. Но и ни одного «Сейбра» не сбили! Какого чёрта мы вообще сюда летели? – он смотрел на первую эскадрилью, дежурившую в готовности номер один, лётчики, поднимающиеся на перехват американцев, сидели, понутив головы. – Да, летели, потому что был приказ! Приказ – ввалить империалистическим агрессорам, прикрываемым флагом ООН. Но не поздно отказаться. Кóшель из гвардейского полка уже подал рапорт о переводе в СССР, не может пережить, что в первом же вылете погиб его подчинённый. Кто из вас принесёт мне рапорт?

Он не произнёс вслух, что тот гвардеец просто обосрался от страха – за свою жизнь или из-за боязни за смерть подчинённых, а это точно не последняя смерть. Нельзя перед младшими офицерами лажать старшего. Но все поняли по интонации. И никто не вякнул «разрешите убыть в Советский Союз, товарищ полковник», хоть все увидели, что вернуться домой в деревянном бушлате можно запросто, если продолжить службу в Андуне.

– Старший лейтенант Мошкин!

– Я!

– У них есть вакансия. Кроме комполка ещё кто-то просится к мамке.

– Разрешите, товарищ полковник, остаться у вас.

– Поясните, Мошкин.

На меня уставилось с полсотни глаз. Вот не люблю быть столь приметным, как на ладони у судьбы. А что делать?

– Потому что в 196-м полку никто не сосал. Ведомые не бросили ведущих, и нет потерь. А что не сбили – так никто бы не сбил. У них преимущество первого удара. Когда сойдёмся на равных... Я хочу с вами лететь, товарищ полковник. А не с теми, кто поджимает хвост ещё на земле.

– Ваш самолёт подбит из Ф-80 «Шутинг Стар», – не унимался Пепеляев. – Хотите померяться силами с «Сейбрами»?

– Даже если сбил бы, товарищ полковник. Другое важно, я не пустил никого к ведущему. Разрешите высказать мнение, в этой войне победят ведомые, а не ведущие. Нас сбивают чаще, потому что с хвоста никто не прикрывает. Мы сбиваем реже, на атаку выходит ведущий. Я могу сбить очень редко – или севшего на хвост командиру, или как в последнем полёте, когда командир выстрелил и отвернул, а я добил того «Шутера». От «Сейбра» тоже прикрою, – чувствуя, что пора заканчивать, добавил: – Пара дырок в борту и царапина на бедре – это мелочь, а не подбитие, товарищи. Зря меня увезли в госпиталь, я бы уже на следующий день летал.

– Вот! Слова настоящего комсомольца! – влез замполит, стремясь как всегда перевести разговор на нравоучительные рельсы.

Пепеляев подавил гримасу, явно перекормленный главпуровской пропагандой ещё на той войне, и вернул офицерское совещание в деловое русло, а меня зазвал к себе по окончании.

– Мошкин! – он занял стол моего бывшего комполка под портретами Сталина и Мао Цзедуна. – Завтра посмотрю, на что ты способен кроме как языком молоть. Не комсорг в прошлом?

Я покопался в памяти Володи и ответил:

– Никак нет. Просто – член ВЛКСМ.

– Ладно. Вот и проверим. Скажи, ты видел бой снизу, с земли. Твои выводы? – он перешёл на «ты», что неплохо.

– Так точно, видел. Для реактивных самолётов – неправильный бой. Потому так мало побед у них и ни одной у нас.

– Подробнее?

– У фрицев был такой пилот Эрик Хартманн. Он хвастался, что ни разу в жизни не ввязывался в бой, но сбил больше трёхсот русских. Брешет, наверно. Но метод его правильный – налетел, выстрелил, сам свалил подальше независимо от того, попал или нет.

– Откуда знаешь?

– Ветеран один рассказывал. Я ж молод был с Хартманном встречаться. В войну только в лётное поступил.

– Нам такая тактика не годится. Главное же – штурмовики и «Суперкрепости» не пропустить.

– Так точно. Значит, часть самолётов пусть нападает на «Сейбры», отвлекает их на себя, остальные должны мочить тихоходов. Но... Евгений Георгиевич! – раз он мне на «ты», использую неоднократно за день услышанное имя-отчество полковника. – Что-то мне подсказывает, не увидим мы Б-29 в ближайшие дни.

– Ну-ну. Это уже интересно.

Он откинулся на стуле и оставил в покое терзаемый карандаш.

– Как немцы действовали двадцать второго июня? А против англичан годом ранее? Налетали на аэродромы, сбивали истребителей в воздухе. Боролись за превосходство. Американцы работают как немцы – сначала хотят вернуть превосходство в воздухе. То есть нас или перебить, или запугать. Тогда бомбардировщиков пошлют. Сегодня проба была, и очень хорошо, что наглецы получили отпор.

– Ещё бы предупредили бы нас хоть минуты на три ранее... – Пепеляев в раздражении хлопнул ладонью по столешке. – Жалуются на помехи, на малую высоту подхода «Сейбров». Но мне до лампочки их оправдания.

– Так что мешает службу ВНОС организовать, как в Великую Отечественную? Посадить слушачей там, где река в залив впадает, пусть слушают. Мы это место называем «сосиской».

– А это мысль! Странный ты, Мошкин. Замечаешь многое, что другие видят, но непонятный мне. Пойдёшь моим ведомым. Погляжу на тебя.

– Спасибо, товарищ полковник! Не подведу.

Когда вернулись в Андун, Володька снова начал приставать с расспросами.

«Вот ты американцев с фашистами сравнил. А сам – за кого, если был за англичан?»
«Изначально? За Двенадцатый Молниеносный легион, подчинённый Гаю Цестию Галлу, владыке Сирии».

«Чего?!»

«Какой вопрос – такой ответ. Когда я был человеком, командовал центурией, потом легионом. Погиб на Иудейской войне. Сражался за Рим против евреев».

Так далеко в прошлое мой попутчик вопросами не забирался. Я сжалился.

«Пропустим девятнадцать веков истории. Перед Второй мировой войной меня отправили в этот мир с заданием насолить немцам. Я воевал против них и убивал везде, где только мог дотянуться, в Испании добровольцем, потом угнал советский истребитель И-153 и перелетел к полякам, пока они отмахивались от немцев и словаков, там тоже пострелял, хоть и мало».

«А дальше?»

«Перебрался в Великобританию».

«На И-153?»

«Нет, конечно. Самолёт пришлось сжечь. Сбежал через Румынию, оформил липовые документы на фамилию Хант, это всё равно, что Петров-Иванов в России. Поступил в авиашколу в Великобритании, служил, опять воевал с немцами. Остальное ты знаешь, я рассказывал».

«Да. До сих пор не могу поверить. Как и то, что ты живёшь во мне и всем заправляешь. Обидно, сука...»

«Согласен. Обидно. Но если бы не я, ты разбился бы ещё в первый раз, попав в валёжку, и вместо дружеского пих-пиха с китайской медсестричкой чалился бы на зоне среди сотен подобных тебе заключённых грешников. Так что – скажи спасибо».

«Не скажу».

«Все вы, грешники, упёртые. Ладно, владелец моего прежнего тела ещё упрямее был. Лет пять понадобилось на перевоспитание».

«И ты его убил».

«Да! Но это было совместное решение. Заодно я выторговал ему смягчение пребывания в преисподней за самоотверженное принятие смерти. Мы очень важного немецкого гада протаранили, он полетел на тот свет вслед за Ваняткой».

Сосед по комнате громко всхрапнул на койке и перевернулся. Слышал бы он, какой диалог идёт в голове у непонятого лётчика из чужого полка, да ещё не пожелавшего вернуться в Союз, точно позвал бы санитаров. Особенно от продолжения беседы.

«Марк! Как жаль, что не можешь у нас на политинформации выступить. Разоблачил бы поповское враньё».

«Какое именно? Они много ввали».

«Ну, про Иерусалим. Про Иисуса Христа. Распятие, воскрешение и прочие глупости, что в Библии написаны».

«Я тебе одному расскажу, ладно? Запомни, в Библии глупостей нет. Только иносказания. Да ещё её столько раз переписывали, что некоторые ошибки закрались».

«Например?»

«Например, Иисуса звали иначе, Ешуа. Или Иешуа. Я по-арамейски девятнадцать веков не разговаривал, сам уже не помню, как правильно. Точно – не Христос, это позже приписали. Вёл он себя как обычный грешник, а грехи его – гордыня и ложь, потому как называл он себя «Царь иудейский». Какой царь, оборванец! Никакого креста он на Голгофу не ташил, только бревно с дыркой. Там на холме стояли столбы, заострённые сверху. Мы, римляне, прибавляли евреям руки к бревну и подымали бревно, чтоб остриё столба зашло в дырку. А чтоб не дёргался – ещё пару гвоздей, в щиколотки. Вот так, виси, голуба. Выглядит как швабра, воткнутая ручкой в землю, только вместо тряпки – распятый еврей».

«Ну вы и твари!»

«Ничего подобного. Время такое и законы соответствующие. Мы выполняли приказ и вершили правосудие».

«Проще было просто убить!»

«Ну да. Только долгая смерть в страданиях гораздо показательнее для оставшихся живых евреев, чем моментальная, потому и придумали распятие. Тот Ешуа очень долго не хотел отдавать концы, мучился, терпел, зубоскалил: вы не ведаете, что творите. Я не стерпел и проткнул ему пузюку копьём. Оказалось, тот не простой грешник был. Не Царь Иудейский, понятно... Вряд ли Сын Божий. Не знаю, кто он! Но мне за него вкатили тысячи лет самых страшных мук, за полторы тысячи превративших человечью душу в демоническую. А как озверел вконец, перевели в колонию для заключённых грешников надзирателем, потом начальником отряда. Кто других евреев казнил, им – тьфу, мелочь, сотка среднего режима. Так что, Володька, нет ни хрена в мире справедливости, ни в этом, ни в загробном».

Материалистическое мировоззрение комсомольца треснуло при моём вселении. Теперь невидимый веник сметал последние осколки материализма.

«То есть Иисус в самом деле существовал...»

«Будешь смеяться, я его разок видел, уже в тебя вселившись. Мы рулили на взлёт, он прямо через фонарь заглянул в кабину и говорит мне: теперь ты ведаешь, что творишь! Конечно, тогда ему не до тебя было, как и тебе до него. Но зуб даю, если ещё раз появится, я вас обязательно познакомлю. Свалишься в преисподнюю, такое знакомство очень даже пригодится. С ангелом Юрой тоже не помешает, но с ним сложнее, он атеист и в Бога не верит».

«Офонареть...»

«Ты ещё сотой доли не знаешь, от чего можно не только охренеть, но даже оху... В том числе про десятку в плечи за матюги, ибо грех сквернословия – тоже грех. У меня, считай, пожизненное, максимум что дадут – это лёгкое послабление или, наоборот, чуть строже, поэтому пофиг. А ты свой срок не увеличивай, хорошо?»

Глава 5

Ким Ир Сен

Зачисление меня в полк ведомым Пепеляева сыграло злую шутку. Занятый административно-хозяйственными делами, он за неделю поднялся в воздух единственный раз и то, когда наша дежурная эскадрилья и соседей с опережением минут на пятнадцать улетела разгонять стайку Ф-80 и Ф-84. Полковник убедился, что я цепко держусь, не нарушаю строй, не стремлюсь искать приключений на пятую точку, на этом и всё, пока отлетались. Самое время появиться сердитому ангелу и ввалить мне за бездействие. Конечно, я подготовил три ведра оправданий, что целый авиаполк навоюет куда больше и лучше, чем моё отдельно взятое дарование, поскольку я помогаю Пепеляеву и увеличиваю боеспособность ажно воинской части... Не знаю, как это проклинает.

Близость к командиру дала неожиданный бонус, он меня, рядового лётчика, отправил вместе с начальником разведки дивизии в Корею вместе с командирами эскадрилий ради допроса американских лётчиков-истребителей, сбитых ПВОшниками вблизи Пхеньяна. Мы взяли пару «Виллисов», естественно – с китайскими пилотами за штурвалом, мы переехали через мост над рекой, знаменитый «Мост дружбы», и за несколько часов доехали до населённого пункта с непроизносимым названием, где остановились до ночи. Пока тряслись, рассматривали ещё одну страну победившего социализма.

Но сначала надо рассказать об Андуне. До него около двух километров от аэродрома. Увольнительные были редкими, но всё же пару раз удалось сходить. В городе есть довольно цивильные кварталы с приличными домами, где рябит от красных полотнищ с белыми и чёрными иероглифами. Среди жилых двух- трёхэтажек с характерными гнутыми крышами зате-

салось множество мелкого общепита с полным отрицанием санитарии, что для Китая не редкость, присутствует рынок, он одновременно блошинный и продовольственный.

Там, кстати, я увидел «телевизор» по-китайски. Он представлял собой раму, сверху и снизу в ней закреплены два валика. «Кинолента» состояла из последовательных рисунков, своего рода комиксов. Кинопрокатчик крутил ручку верхнего валика на пару оборотов, матерчатая лента перематывалась, кадр сменялся новой картинкой. Парень что-то очень громко и эмоционально рассказывал, зрители, их собралось добрых полста, тоже не стеснялись в проявлении чувств, смеялись, охали, были готовы, кажется, даже заплакать, потом снова ржали... Судя по рисункам, сюжет шёл исторический, с воинами в старинных доспехах, принцессами в кричаще-яркой одежде, тогда как зрители щеголяли исключительно в тёмном, кроме солдат в горчичном х/б и белой панамке вместо фуражки. «Телевизор» был цветной, в отличие от моего чёрно-белого, оставленного в Англии.

По случаю тепла я тоже разделся, оставив дома шинельку. Мой френч, похожий на линялую пижамную куртку, но застёгнутый до горла, вызывал отвращение. Конечно, ожидать обмундирование такого же уровня, что положено в Великобритании эир-командору, было бы наивно, но всё же неприятно выглядеть нищепродом.

Часть зарплаты нам выдавали юанями, 20 юаней были примерно равны доллару на момент моего прибытия в Андун, остальное накапливалось на сберкнижках в СССР, и, как я понял, на те деньги особо рассчитывать нечего: на них заставят купить облигации государственного займа с погашением... когда-нибудь. Например, после победы коммунизма во всём мире. Рынок в Андуне был очень дешёвый, за зелёную купюру в 10 юаней давали довольно много. Правда, инфляция у них свирепствовала, за месяц купюры с уса́тым дядькой (не председателем Мао, кто-то другой) обесценивались основательно. Советские авиаторы, всегда ходившие группами, считались довольно зажиточными покупателями на фоне голытьбы. Приходилось видеть купюры в несколько тысяч юаней, правда, в руках не держал. Что плохо, какая-то из них по цвету напоминала десятку, а какой номинал – поди разбери эти иероглифы.

Из квартала «среднего класса» мы брели к нашим домам мимо берега Ялуцзян, и вот там действительно ужасала нищета. Хижины фанза, сколоченные из неровных, местами откровенно гнилых досок, венчались крышами из рисовой соломы. В малюсеньких окнах не увидишь стёкол, а какая-то мозаика из осколков, скорее всего, где-то подобранных. Топились по чёрному либо не топились вовсе из-за отсутствия топлива. Оборванные полуголые дети, копошащиеся в каких-то мусорках, непременно выбегали навстречу что-то выклянчить. Конкуренцию детям составляли мелкие чёрные свиньи, худосочные и на необычно длинных ногах. Тошнотворные запахи, будто жарится тухлая рыба...

Часть этих бедняков жила в джонках, речных лодках с узким носом и узкой кормой, в центре будка с плетеными стенками и соломенной крышей. Отходы – в воду. Испражнения – в воду. Говорят, покойников – туда же. Скорее всего, выше по течению Ялу то же самое. Как потеплеет, хорошо бы искупаться, но не в этом дерьмище. Я покойников не боюсь, сам такой. Однако правила гигиены лучше соблюдать.

Пистолет ТТ всегда был с собой, опасались мы не людей, а стай бродячих собак. Вряд ли бы я стрелял в них, надеялся, что в случае чего разбегутся от выстрелов.

Так вот, в Северной Корее было ещё хуже. Особенно бросалась в глаза исключительная худоба и местных жителей, и домашнего скота. В Андуне даже обитатели трущоб у реки выглядели пристойнее. Честно скажу, когда приехали в городок с непроизносимым названием, и нас пригласили пообедать под матерчатым навесом, сделанным из парашютной ткани, не хотелось даже приступить к трапезе. Я почти уверен, что поданные мне миска каши, кусок рыбы, лепёшка и чай без сахара по калориям, наверно, больше, чем дневной рацион виденных нами крестьян. Поверьте, я жил в послевоенной Англии и прекрасно знаю, что такое карточная система и единственное яйцо для взрослого человека на неделю; здесь же – вообще мрак.

Но, чтоб не обидеть хозяев, пришлось съесть всё... и призвать демоническое здоровье, погашая ожог во рту. Тёмно-рыжие крапинки в лепёшке и в каше оказались чрезвычайно жгучей специей. Китайцы гуманнее.

У нашего майора, начальника разведки, глаза округлились и покраснелись как воздухозаборник МиГ-15. Я уступил ему свой чай, чтоб он смог запить побольше и отдышаться, себе попросил воды.

Отменил комплимент китайцам: пусть у них меньше специй, но присутствовавший на обеде узкоглазый переводчик с китайского и корейского мог бы предупредить о местной специфике, падла. Он дождался эффекта и, сдерживая хи-хи, пояснил, что в Корее царит антисанитария, употребление специй нейтрализует заразу. Будто в Андуне чистота! Из моего прежнего полка практически все, рискнувшие что-то сожрать за пределами столовки, подхватили дизентерию. Единственное спасение – водка, она действует не хуже едкого перца.

В темноте двинулись дальше. Как только вышли из зоны, прикрытой МиГаами с Андуня, дневные марши стали невозможными, здесь хозяйничала американская авиация. Даже ночью их опасались и не зажигали фар, оттого тащились среди колонн китайских машин, тысячами едущих на юг к линии фронта. Только к утру пробрались к Чонджу, где была намечена встреча с пленными.

Занятый контрразведкой ханок, дом с вогнутой черепичной крышей, по форме напоминающей кровлю китайских фанза, находился в глубине сада. Думаю, когда распустятся деревья, здесь даже красиво, не обезображено войной.

Американцев привели троих. Даже у пленных обмундирование было лучше, чем у нас. Я сразу обратил внимание, что на них обычные лётные комбинезоны с эмблемами, а не противоперегрузочные костюмы и даже не бельё под них. Мои опасения подтвердились: перед нами предстала часть экипажа бомбардировщика Б-29.

Расспросы свелись к формальности, этот самолёт хорошо известен со Второй мировой войны. Лётчики-истребители ограничились лишь несколькими вопросами, не зря же тряслись около суток. Я тоже не смолчал.

– Сколько вы получали жалования и за каждый боевой вылет?

Ответ ошеломил и Володьку, и приехавших со мной офицеров. Кто-то начал переводить доллары в деревянные рубли, как ни считай, получилось безобразно много. Особенно у двух пилотов, остальные члены экипажа получали меньше.

– Значит, меньше получал и хвостовой стрелок. Я слышал – на его месте трясёт и бросает, не высидишь.

– Так мы там и не летаем.

– А кто?

Китаец перевёл вопрос, американский сержант пожал плечами и ответил:

– Конечно – негры.

«Расист хренов!» – прокрипел внутри меня Володька.

«Нет. Просто типичный янки. Для них любой двуногий – говно, а не человек, если без американского гражданства. Получи гражданство – и сразу становишься высшей расой, плюющей на говно с высокой колокольни. Правда, только если белый. Чёрный, азиат или индеец не катит. Хочешь, по окончании войны сбежим в США и натурализуемся? Тело – белое, сойдём за высшую расу».

«Ну, не-ет!»

«Правильно».

Единственно, что было полезного в этой поездке, корейцы дали нам несколько фото с последствиями авианалётов, со всеми натуралистическими подробностями – оторванными головами детей, вывернутыми кишками и прочим не для слабонервных, что не печаталось в советской прессе из соображения приличий.

«Владимир! Будешь вести себя хорошо, дам порулить в воздухе и пострелять. Рука не дрогнет? Хреноватенько ты стрелял перед тем, как тебя сбили».

«Да я...»

Подопечный выдал энергичную тираду в соответствующих выражениях. Верно мыслит. Американцы меня всегда раздражали, но не более чем. Сейчас хочется как можно больше отправить в посмертную зону в отряд зэ-га. Хотя бы лет на двести.

В пыльной машине, на которой ехали обратно, не поговорить с людьми. Да и спали большую часть пути, тащились ночью, навстречу бесконечным китайским полкам, торопясь, потому что весенние дни удлинялись.

Но у меня было два внутренних собеседника.

Юрий выглядел каким-то ошипанным. Он обрёл уже способность обретать видимость и сел на фуражку впереди сидящего пассажира. Естественно, рассмотреть его мог только я и Володька с моего позволения. Ангел принял размер с кота. Это был крылатый и какой-то ошипанный кот, крылья повисли.

«Здравствуй, Марк! Грешник Владимир меня слышит?»

«И даже видит».

«Хорошо. У меня, прости, для вас неприятные новости. Генерал Макартур, командующий войсками ООН в Корее, отправит бомбардировщики разрушить мост через реку Ялуцзян, обрезав китайцам снабжение и пополнение, после чего прикажет снова развить наступление и ещё раз выйти к китайской границе. Более того – пересечь реку Ялу».

«Это же открытая война с КНР! А также с Советским Союзом!»

«Именно. Ты же слышал ещё до вселения в Мошкина, Трумен заявил, что допускает применение любых средств. Включая ядерные удары по Китаю и советскому Дальнему Востоку. Прогноз пересмотрен. Только в Шанхае, Пекине, Нанкине и других городах Китая погибнет более сорока миллионов в первые дни. В СССР – меньше. Но Советский Союз немедленно начнёт наступление в Европе, чтобы захватить американские базы. Советская армия – самая сильная в регионе, американцы слишком увязли в Азии, чтоб там помочь. Скорее всего, и в Европе применят ядерное, где-то на вторую неделю войны».

«Стоп-стоп. Я что-то не припомню столь подробных прозрений у наших оракулов. Человеку дана свобода воли. Да и те, кто полетит с бомбами на Китай и СССР, они же ещё живы...»

«Но они уже согрешили намерением, Марк. Обычно всё считается и учитывается позже, превратилось ли намерение в действие. Но важность происходящего такая, что мы следим за грехами ещё при жизни будущего зэ-га».

«Судя по твоему кислому виду, ты приготовил особенную гадость. Пусть не сам, сверху приказали... Трави!»

«Поскольку десятки миллионов на годы попадут в Великое Ничто, вы с Владимиром отправитесь к ним тоже. Вместе со всеми, работающими под солнцем на предотвращение войны. На обретение посмертного вместилища души ваша очередь будет последняя. Лет пять-семь, не меньше. Я бы сказал: молю Бога, чтоб этого не произошло. Но ты же знаешь, я в него не верю, потому что не знаю, кто он и что он. А верить в неопределённость противоречит здравому смыслу. Скорблю заранее. Прощай!»

Я покрылся каплями пота, несмотря на прохладу апрельской ночи.

«Марк, это плохо?»

«Это – катастрофа! Ты даже не можешь понять всего ужаса происходящего. Главное, от нас зависит очень мало. И, скорее всего, отвечать придётся за ошибки других. Да и своих навалием, за нами не заржавеет».

На фоне пяти-семи лет в Ничто любые грехи – сущая мелочь, и я разразился колоритной тирадой в адрес небожителей. Русского не хватило, добавил «факинг щит».

«Марк! Я понимаю, ты сейчас за наших. За СССР. Ну а вообще – за кого?»

«Ты уже спрашивал. Я не ответил, потому что вопрос не простой. Если кратко – то за миропорядок, совсем не за Советский Союз и не за коммунистов. Просто я временно с вами по пути. Хотя советские часто бывают не лучше американцев».

«Да ты что такое говоришь! Мы же освобождение несём! Видел сам, в какой нищете живут в Китае и в Корее. Как построим у них социализм, сразу станет легче. Вот только война закончится. Американцы, когда напали на Северную Корею, на годы назад отбросили её трудовой народ».

Я кратко пересказал ему хронологию войны, что Советскому Союзу было достаточно статус-кво на тридцать седьмой параллели, но товарищ Ким Ир Сен, верный последователь товарища Сталина, вздумал преподнести ему подарок, взяв под контроль полуостров целиком, чтоб вести всех соотечественников в коммунистический рай, хотя бы того или нет, скорее – нет. Пользуясь внезапностью нападения и советским оружием – танками, самолётами, полевой артиллерией – северяне разнесли в пух и прах армию Южной Кореи и сбросили бы её остатки в море, не вмешайся в конфликт США под знаменем ООН. Но американцы – отнюдь не ангелы мира и даже не ангелы-атеисты, как наш Юра. У них свои интересы, борьба за влияние. Потому, раз ввязались, желают нагнуть СССР и Китай. Без атомной бомбы вряд ли получится.

«Макнамара долбанул бы ей без колебаний. Трумен колеблется, есть шанс, и немалый, что уступит ястребам. В коммуняк полетят мегатонны, мы с тобой полетим в Великое Ничто, где быстро сойдём с ума, потом наши души разрушатся и исчезнут», – закончил я чтение приговора обоим.

Мой комсомолец не въехал, его больше другое торкнуло. Он здорово обиделся по поводу нападения Северной Кореи на Южную. Ему полгода втирали и, естественно, втёрли, что советские авиаторы воюют против злокозненных и агрессивных южных корейцев, а также их американских поплечников, коварно напавших на мирно пашущих северян.

«У тебя странное представление, Володя, что севернее тридцать восьмой живут хорошие честные парни, а южнее – агрессивный сброд. Просто Советский Союз освободил Север от японцев, американцы заняли Юг. Каждый посадил удобного себе правителя и установил соответствующий режим. Если бы русские высадили десант в Южной Корее, а американцы в Северной, столицей демократического государства рабочих и крестьян стал бы Сеул, а в Пхеньяне окопались бы злые капиталисты-милитаристы. Это – большая политика, пассажир. В ней абсолютно плевать, кто прав, кто виноват. Борются не за справедливость, а за интересы. Наш с тобой интерес в данный момент совпадает с интересами товарища Ким Ира Сена, чей значок мы носим».

Он не ответил. Но эмоции не скрыть. Володька подумал об очевидном: если интересы сохранения миропорядка придут в противоречие с интересами СССР и особенно, не приведи Господь, с личными хотелками товарища Сталина, демон Марк в теле старлея Мошкина повернёт пушки против Москвы.

Я выговорил себе право в последующих миссиях не воевать против СССР и Великобритании. Но, будем реалистами, когда на кону такие ставки, хрен кто вспомнит о прошлых условиях и данных обещаниях.

Вернувшись в Андун, рассказал Пепеляеву о не слишком полезной поездке. Тот кивнул и спросил:

– Что это хрень у тебя над карманом?

– Никак нет! Не хрень, а великий сын и одновременно великий отец корейского народа товарищ Ким Ир Сен. Выменял этот значок в Чонджу на зажигалку.

– Нафига?

– Так если собьют над Кореей! У амеров тех морды побитые были, синева сошла, только желтизна осталась. Если я спущусь на парашюте, думаете, крестьяне разберут, что у меня

китайская форма, что пистолет ТТ? Хорошо если просто врежут в торец, убить могут, такие они злые. Значка с профилем Ким Ир Сена у янки точно не будет.

Пепеляев уже успел посмотреть те фотографии и согласился – за такое непременно стоит надавать лопатой по башке. А я не мог рассказать ему, как меня приняли однажды за франкиста испанские крестьяне около аэродрома Кото. Всё, конечно, в теле срослось, включая кости, но, мать твою, больно было.

– Товарищ полковник! Помните, я предсказал, что бомбардировщики в ближайшие дни не прилетят?

– И что?

– Поговорил с этими тремя, и у меня странное предчувствие. Прилетят и много.

– Не накаркай!

Но я уже знал, что накаркал, и что от моего птичьего голоса в этой войне почти ничего не зависит.

Глава 6

12 апреля, четверг

12 апреля Пепеляев поставил меня в эскадрилью готовности номер два. Сам так и не собрался подниматься в воздух из-за административных хлопот.

Основная часть лётной службы заключается в сидении на пятой точке, причём второй очереди проще. При готовности номер один лётчики кукуют в самолётах, ремни парашюта и сиденья пристёгнуты, шлемофон на голове. Лишь фонарь кабины открыт и маска болтается сбоку. Солнце припекает, и не хочется думать, что будет летом.

Я же слонялся поутру вдоль края дорожки и жевал травинку, переваривая неплотный завтрак. В последние дни, говорят, сильно суетятся постановщики помех. Значит, и правда есть шанс, что американцы прилетят, и не меньший шанс, что их обнаружат слишком поздно.

Кожедуб с Попеляевым и с командиром гвардейского полка тоже явно были обеспокоены, наш полковник что-то горячо втолковывал, гвардеец крутил головой, командир дивизии сосредоточенно размышлял, иногда роняя короткие реплики.

Я летал с Бадером, Покрышкиным, Сафоновым. Кожедуб был в моих глазах живой легендой. Но ему запретили самому ввязываться в бой. За генералом был закреплён персональный МиГ-15, он использовался только как подменка на случай неисправности самолётов двух наших полков. Безвестный Мошкин, не отлучённый от неба, по крайней мере – до моего захвата штурвала, был счастливее знаменитого Кожедуба.

Кроме того, на нас с Володькой не давили командирские обязанности. Я вернулся к эскадрилье, лётчики которой коротали время самым простым образом – зубоскалили.

– Мошкин! – зацепил меня инженер полка Федя Кругляков – Вот скажи, ты – неженатый. Не хочешь привезти в Союз китайскую невесту?

– Точно! – поддакнул капитан Абакумов – Представляешь, тёща в Андуне останется. Не поедет же она зятя пилить за десять тысяч кэ-мэ? Ты подумай, тут отдельные ничего себе попадают. Повариха одна из наших столовских, глазки узенькие, зато в них – огонь.

– Сталинским соколам не положено жениться на иностранках, – прогудел замполит полка.

– Так она же комсомолка, как и Мошкин. Практически товарищ по партии, – не унимался Абакумов, мой ведущий в отсутствие Пепеляева.

– С товарищем в бой идут, а не в койку валят, – попробовал отшутиться я. – И вообще, товарищи военные, нас здесь нет. Разве мы можем жениться, тем самым военную тайну разглашать? Если только на время командировки.

– Но-но, вы бросьте. Нравы здесь строгие. Прибегут ко мне родители, мол – соблазнил и бросил, что мне делать? А аттестацию Мошкину на капитана придёт время писать? – замполит, естественно, думал о своём, партийном и высокоблагородном.

Про строгие нравы у меня был свой опыт. Разумеется, лётчикам и особенно замполиту о том опыте не рассказывал.

– Хуже другое, товарищи. Привезу я её домой. Выучит русский да начнёт рассказывать, как в Китае жила, как её героический муж защищал небо от империалистов. На бабий роток не накинешь платок. Тут уже не политический, а особый отдел мной займётся. Не, лучше потерпеть. Вы же, женатые, терпите? – увидев очень разную реакцию на лицах, я усилил: – Или кто-то готов сидеть здесь подольше, лишь бы подальше от благоверной?

Парни загыгыкали и дружно уставились на одного из великомучеников, у которого супруга была известна адским характером, самое место её – начальницей отряда для женщин в преисподней. От неё подальше могут попроситься даже в Великое Ничто.

«Нервно они шутят, Марк. Ненатурально как-то».

«Коню понятно – бояться, мандражат. Даже ту войну прошедшие. Облетаются, обтешутся. Главное – отказников нет, писателей с рапортами вернуть домой, как в гвардейском полку».

«Это да».

«Не знают, что лучше сейчас погибнуть и сразу в отряд угодить, чем с сорока миллионами в грёбаную пустоту. Хочешь, если совсем худо станет, я тебя сразу туда определю? Не дожидаясь, пока в преисподнюю сорок миллионов свалится?»

«Не надо! Хочу увидеть, чем здесь закончится. Вдруг пронесёт? И ты обещал уйти, когда миссия кончится».

«Обещал. Ивану тоже обещал, но рассказывал тебе, как всё обернулось. Я здесь, он там. Пути Господни неисповедимы, товарищ красный сокол».

Замполит дёрнул меня было – чего это примолк перспективный женишок, мечта китаянок, но прозвучала команда «по самолётам». Для эскадрильи – готовность номер один. Значит, что-то надвигается.

В кабине я поставил себе галочку в уме – раздобыть китайский зонтик с драконами и приспособить его на катапультируемом кресле. Не по-военному, но гораздо удобнее будет сидеть в ожидании вылета.

А ещё бы радио мурлыкало, как в моем «Ровере», оставленном там же, где и вся прежняя жизнь – в Англии. Здесь осталось одно радио – внутреннее.

«Марк! А на русской можешь жениться?»

«Понравилось с сестричкой кувыряться? – помнится, до приключения в госпитале Володька был девственник, это я такой-сякой бесстыдник вовлёк его во грех в первое же время контроля над телом. – Грешить будем. Но насчёт женитьбы... Ты же понимаешь – я проклят. Жена Вани Бутакова осталась с малыми детьми в оккупации под немцами. Двух моих подруг, в Испании и в Англии, убили немецкие бомбы. Поэтому после войны я даже со случайными бабами старался ни-ни, в основном с проститутками и за деньги».

«Сам же говорил – грех...»

«На фоне копья, воткнутого в пупок Иисуса, любые мои грехи – пыль. Но ты пойми. Я, хоть и демон, в какой-то мере человек. Пусть – бывший. Потому склонен привязываться. К женщинам, с которыми делю койку, тем более. Ну и что я должен чувствовать, зная, что такая женщина обречена на скорую смерть только из-за того, что позволила наладить со мной отношения? Случайный вариант, как в госпитале, думаю – не в счёт. Не уверен, что отличу ту китаянку от миллиона других. Но койка сближает, это довольно часто. А проститутке я плачу, чтобы она ушла, не возникло ни связи, ни обязательств, ни чувств. Поэтому если сутенёр проломит ей голову, это их дела, с моим проклятием точно не связанные. Даже мне, неисправив-

тому грешнику, лучше не брать на душу чью-то смерть, это не мелочи, как сквернословие или прелюбодеяние».

«Но американцев мы убьём!»

«Лётный состав. Таково прямое задание. А вот если австралийца, за него спрос полный. При любой миссии попутный ущерб должен быть минимальный, усёк?»

Так мы болтали, пока ленивое бормотание переговоров в наушниках не сменилось отрывистыми командами, над аэродромом не взвились зелёные ракеты. Поехали!

Началось! Я уже тысячи раз управлял самолётом на рулёжке, выводил его на начало бетонки, где-то чистой, а где-то исчерканной следами покрышек, давал обороты двигателю, сдерживая тормозами дрожащее нетерпение крылатого создания рвануться вверх... И каждый из тысяч взлётов был праздником.

*Отпусти тормоза, и земля на мгновенье замрёт,
А потом, оттолкнувшись, растает в рассветной дали.
И, внимая всем сердцем ожившему слову – полёт,
Оставляя внизу притяжение старушки Земли[1].*

Эту песню я слышал в Ваенге в 1942 году, делая вид, что не понимаю русские слова, тронувшие даже моё сердце, демоническое. Ванятка, сидевший во мне (или я в нём), дай ему управление телом, хлюпал бы носом, а так только охал беззвучно.

Но быстро стало не до лирики. Первая эскадрилья сцепилась с «Сейбрами», прокладывая дорогу основной группе. Мы на предельных оборотах набрали высоту. В наушниках звучал, искажённый помехами, говорок Кожедуба – спокойный, деловой и без матюгов. Вообще, с приходом нашего полка и гвардейцев в эфире стало чуть меньше ненужного шума.

Генерал приказал пикировать на бомбардировщики, прорезая строй охранения.

Сбросили баки, в этом полёте не нужные, едва километров пятьдесят отлетели от базы.

Я почувствовал, что потею, несмотря на то, что перешёл уже на лёгкую кожаную куртку, под ней только хэбэ. Все с точностью сбывается, как это предсказал мой атеистический попечитель. Чуть выше нашего аэродрома по реке Ялу – тот самый мост, практически единственный оставшийся автомобильный и железнодорожный. Снести его, и переправы с нашего правого берега на левый корейский не будет, какие-то понтонные мосты проблему не решат. Южане перейдут в наступление... Твою ж мать во все дыры...

МиГ-15 капитана Абакумова ухнул вниз. Я отпустил его метров на пятьсот и крутанулся, осматриваясь. В кабине этого самолёта я наполовину слеп. Впереди массивная дура прицела. Голова чуть приподнята над линией борта, но и только. Сзади видно хреново, чтоб как-то оборачиваться, надо распускать лямки ремней, если не затынёшь потом, можно вывалиться из парашютной сбруи после прыжка. В самом привычном мне истребителе «Спитфайр» обзор лучше. В «Сейбре» тоже – торчишь над боротом по плечи, оттого его кабина настолько выше. Здесь даже зеркала заднего вида нет, бесчисленное количество раз предупреждавшего меня об атаках «Мессершмиттов». А зачем зеркало? Поначалу даже бронеспинки не ставили, мы летаем выше всех, быстрее всех, кто же нам в хвост зайдёт, в спину стрельнет?

В общем, «Сейбр» я прохлопал и узнал о нём, только когда увидел трассы вокруг кабины, и пришлось срочно сваливать с линии огня. Проскочив, американец прицелился по моему ведущему. Я дал очередь «Сейбру» в след, совершенно наугад, потому что на вираже и на перегрузке дальномер глюкнул, а перевести в ручной режим не успел. Тем не менее, парень понял предупреждение и юркнул в сторону, за ним – ведомый, даже не попытавшийся сделать паф-паф. А мой капитан, наверно, даже не узнавший, что только что едва не увидел свет в конце тоннеля, пристроился к Б-29 и саданул ему по хвосту. Сблизившись чересчур, попал в струю винтов, его МиГ опрокинуло вверх брюхом, и ведущий провалился вниз. Американский бомбер нарисовался передо мной метрах в шестистах.

Хвостовой стрелок молчал. Наверно, негр погиб при первой атаке (да-да, наверняка тот самый случай, «мы сзади не летаем, только негры»). Ещё раз крутнувшись, чтоб быть уверенным – в ближайшие десять секунд меня не возьмут за задницу, я ещё сократил расстояние, взяв чуть ниже, чтоб не угодить в струю винтов, и ввалил от всей души, целясь в корень крыла. На «Сейбре» принял бы чуть в сторону и пустил бы самолёт скольжением, чтоб прошить ему борт от пилотской кабины до хвоста. Но МиГ ни хрена не скользит из-за аэродинамических «ножей»...

По МиГу хлестнула очередь из турели под фюзеляжем[2]. Попали или не попали – не знаю, был занят, и моё занятие принесло плоды. Левая плоскость «суперкрепости» вздрогнула и начала отгибаться вверх, словно крыло птицы, собирающейся взмахнуть им. Но самолёты крылом не машут! Я рванул с переворотом влево и погнался за своим капитаном, радостно проорав ему в эфир: «Сто тридцать третий! Боря! Я добил твоего бомбера! Падает!»

Мы снова набрали высоту, пукнули в «Сейбров» остатками боекомплекта, чтобы внести дополнительную сумятицу, и полетели домой. Перед поворотом для выхода на глиссаду пронесли над Ялу. Около моста что-то дымилось, но сам мост вроде цел... Накося выкуси, небесные пророки!

Когда выпустил шасси и закрылки, шепнул Володьке: «Хочешь посадить?» Тот радостно вцепился в рукоятку пятернёй, на время – снова его. Я понимаю пассажира, в душе снова зазвучала та песня северных лётчиков:

*И пока будем жить, будем в небо стремиться всегда,
Я минуту полёта за год не земле не отдам.*

А что пришлось убивать, рискуя самому быть сбитым – это только усилило остроту ощущений.

И только одно беспокоило. Если из-за какого-то долбака-технаря плёнка ФКП запечатлеет не разваливающийся бомбардировщик, а невинный пейзаж аэродрома, возьму грех на душу за сопутствующие жертвы и прибыю мерзавца.

Посмотрел на часы. А мы в воздухе пробыли всего-то чуть более получаса! Это даже по управлению чувствуется, истребитель не успел толком выработать керосин и полегчать.

Скатившись с лесенки, побежал к капитану Абакумову. Тот только сегодня открыл счёт в Корее, радовался как малолетний шалопай, мы обнялись... А технари срочно заправляли наши самолёты, заряжали пушки, вешали уродливые подвесные баки местного производства Криворук чайна корпорейшн, слава Богу – не понадобилось. 12 апреля это был единственный вылет.

Вечером собрались в бывшей японской казарме. Настроение праздничное, глаза горят. Пепеляев сказал: около сотни американских легунов, кто успел прыгнуть, попало в плен. Три Б-29 рухнули на корейской стороне вблизи моста, один, правда, успел сбросить на землю какую-то бомбу охрененной мощности, воронка такая, что фанза поместится. По «Сейбрам» и «Тандерджетам» уточняется, но тоже есть... Он достал пачку фотографий с ФКП, мы разобрали их, всматриваясь в мутноватые снимки. Это – не журнальные фото товарища Сталина с товарищем Ким Ир Сенем, часто после ФКП такая рябь, что хрен поймёшь – кого и зачем он снимал.

– В кого это ты палил, Мошкин? – чуть насмешливо спросил мой капитан.

Действительно, у перекрестья прицела не было даже завалящего гуся, забравшегося подальше от войны эдак на пять тысяч метров в высоту.

– Левее смотрите, Борис Сергеевич. Это «Сейбр», дальше – вы. Желторотик какой-то, по мне пальнул – не попал. Я отвернул, он врубил форсаж и за вами. Прицел на перегрузке сказал «привет», я просто нос повернул в сторону «Сейбра» и бабахнул двумя. Главное, что он увидел снаряды. Не стал искушать судьбу. А вы, товарищ капитан, начали разбирать «двадцать девятого».

– Хрен бы я его разобрал... Тремя очередями почти весь комплект в него ввалил, а он летит себе... Представляю, сидит там гордый такой за штурвалом, жвачку жуёт как корова.

– Не долго жевал. Видите? Я стрелял в корень крыла. Пока не переломилось. На одной плоскости сразу закрутило, а из крутящегося хрен выпрыгнешь без парашюта. Чпок в землю и гудбай.

Пепеляев, через плечо заглянувший на наши картинки, с ноткой подозрения спросил:

– Старший лейтенант! Откуда ты знаешь, где у вражеского самолёта самое слабое место? «Оно там же, где у «Юнкерс-88», «Хейнкель-111», но как тебе об этом расскажешь?»

– В училище говорили, товарищ полковник. Самая напряжённая часть крыла – где плоскость прикручена к центроплану. Если повезёт и хоть один лонжерон перебьёт, крыло сложится, отлетелся империалист.

Фуф, вроде выкрутился, пронесло. Пепеляев подобрел даже.

– Что ведущего прикрыл – молодец. Слышишь, Боря? Считаю, сегодня второй раз родился, не ляжешь спать с пулей «Сейбра» в затылке.

– С меня причитается, – не стал отнекиваться тот.

Пепеляева позвали к телефону: нашлось место падения «Сейбра», не хотите ли обследовать обломки? Я бы мог сообщить в сто раз больше, чем даст осмотр рваных ошмётков металла. Точнее – наоборот, не мог. Тогда здравствуй или Особый отдел, или психушка.

Ещё очень жаль, что в части не было радиоприёмника, хотел бы услышать, что говорят на той стороне. И также хотелось бы на летающую подводную лодку марки МиГ-15 поставить перископ, чтоб как-то осматривать заднюю полусферу, иной раз мечтается бошку высунуть наружу, как из рубки подводной лодки, чтоб осмотреться.

Хотя, буду справедлив, МиГ-15 большей частью совсем не плох. Особенно пушками. Если бы у меня стояли одни пулемёты, как на первом «Спитфайре» во время Битвы за Англию, я бы экипаж Б-29 только рассмешил, а не убил.

Главное, МиГ-15 вернул мне возможность летать, выполнять задание в мире живых, в перерывах между полётами греть морду под солнцем, иногда шупать грешниц. А не прессовать мёртвых бедолаг на мрачной загробной зоне.

[1] Автор слов – Олег Неменок.

[2] Для знатоков. В Корее применялись «Суперфортрексы» как старых серий, так и упрощённые с тремя пулемётами в хвосте.

Глава 7

Загробная мораль

Выше по течению Ялу, километров восемь от нашего аэродрома, на китайский берег упал «Тандерджет», один из участников налёта 12 апреля. Место – легендарное, хоть в полку никто об этом не знает, я напросился съездить и посмотреть, Пепеляев не возражал. Тринадцатого и четырнадцатого у американцев как отрезало. Отцы-командиры сообщали, что южнее злополучной параллели объявлен траур, часть самолётов, дотянувших до баз, годится только на лом, во всех вернувшихся Б-29 есть убитые, общее число потерь лётного состава свыше двухсот человек... Короче – ура-ура. Только Мошкин во мне уже не сильно радовался, начиная понимать, что такое загробное воздаяние, и что ждёт попавшие на зону души летунов.

Ехали мы не таясь, было недалеко, на глаз – километров восемь-десять. Каждый день теплело, напоминая о моём самом кровавом лете 1943 года в Северной Африке, когда добивали Роммеля. Не адская жара, но что-то около того.

В глубине Манчжурии преобладают степи. Здесь, ближе к реке, гораздо чаще попадались возделанные поля, отчего пейзаж казался более обжитым на вид и даже уютным, если бы не чёрные ящики. Они торчали из земли, напоминая о диковатом китайском обычае – складывать

в них одиноких умерших, кого некому похоронить по правилам. Лучше уж в реку, вынесет в Западно-Корейский залив, там рыба оприходует трупы.

«Тандерджет» лежал на песке у самого берега Ялу, относительно целый, насколько можно таким оставаться, ударившись о Китай со скоростью километров двести в час. По крайней мере, плоскости и оперение на месте, не загорелся, и то спасибо. Останки лётчика, пытавшегося почему-то совершить вынужденную на брюхо вместо того, чтобы покинуть самолёт, уже увезли.

У крыла стоял часовой, отгонявший китайских пацанят от обломков. Нас пропустил, отдав честь. Лётчики 196-го иап по одному залезали в кабину, пытаюсь понять, что видит американец и как себя чувствует, я же глазел по сторонам.

«Знаешь, что это за место, Володя? Здесь был Тюренченский бой!»

Разумеется, истинный хомо советикус Мошкин о нём не слышал. Их учили «настоящей» истории на славных битвах коммунистов в Гражданскую и во Вторую мировую, сиречь Великую Отечественную.

«В 1904 году, точную дату не помню, здесь произошло самое первое сражение Русско-японской войны. На этом берегу войск Русской императорской армии оказалось раз в пять меньше, чем японцев. Понимаешь? Им пришлось организовать оборону вдоль всего берега реки, а японцы выбирали, где им собраться всей кучей и ударить».

«Что на Ялу делали наши? Это же Манчжурия, Китай».

«Примерно то же самое, что и ты до моего появления. Защищал интересы своего правительства очень далеко от дома. Ляодунский полуостров российское правительство взяло у Китая в аренду. То есть здесь была ваша русская земля, пусть временно. А японцы напали, причём – первыми. Как вы на них в сорок пятом. Или вам тоже промыли мозги, что Советский Союз ввёл войска в Манчжурию и разбил Квантунскую армию, подвергнувшись нападению?»

«То была справедливая, освободительная война!»

«А в 1904-м году?»

«Империалистическая».

«Вот так. Защищая свою землю, пусть – временно свою, русские солдаты гибли в несправедливой империалистической войне. А напав на Японию в 1945 году или сейчас, поддерживая Северную Корею против Южной, хоть южане ничего плохого лично вам не сделали, вы ведёте, так сказать, справедливую войну. У тебя до моего вселения хоть капля мозгов была? Или её заменила сплошная пропаганда?»

«Ты рассуждаешь как враг!»

«Нет. В сорок пятом я воевал за американцев, потому что та война была справедливая, именно японцы напали на американский флот в Пёрл-Харборе. К твоему сведению, одного джапа сбил, он оказался каким-то особо прославленным воздушным самураем. То есть фактически за вас тоже, союзничков. Сейчас опять воюю за вас, заметь – результативно. Не потому, что меня в бой послал гений товарища Сталина, помноженного на талант товарища Мао. А потому что вы – меньшее зло. Я воюю и убиваю, чётко понимая кого и зачем. Ты – потому что тебя оболванили. Чувствуешь разницу?»

«Пшёл ты...»

«Пойти можешь только ты. В преисподнюю. Или пойти убивать по приказу, не понимая, где благо, где грех».

Он заткнулся, а я продолжил голосом экскурсовода:

«Где-то здесь, когда упало полковое знамя, священник отец Стефан Щербаковский поднял над головой крест и пошёл на японцев. Солдаты двинулись за ним и потеснили врага, пока священнослужитель не упал, получив сразу несколько пуль. Удержать рубеж ваши не смогли, но задержали японцев. Отступили только по приказу. Вспомни пограничные бои Красной армии в сорок первом и сравни. Вот...»

«Что – вот?»

«На этих примерах нужно воспитывать вас, желторотых. А не на трескучих штампах о беспримерном подвиге и беззаветном мужестве. Отца Стефана я в преисподней не встречал. Но знаю, такой поступок много грехов смоем. Не пришлось ему страдать».

Здесь бы какой памятник поставить. Если чья-то добрая душа положит к нему цветочки, то усопшим грешникам, павшим за Россию на Ялу, на миг станет легче в преисподней. Это дорогого стоит. Я сорвал придорожный невзрачный цветок и опустил его на булыжник, цветок тотчас унёсся на ветру. Не важно, что сдуло, тут главное – жест.

Толстокожие товарищи комсомольцы унд коммунисты не чувствуют особую ауру места, где бились насмерть и погибали тысячами. Где был такой взлёт духа, что песок и камни светятся до сих пор. Правда – в невидимом для советских диапазоне.

По возвращении в часть нас ждала новость: в числе выпрыгнувших с парашютом и отловленных корейцами нашёл-таки пилот «Сейбра». Мне как «специалисту» по общению с американцами после беседы с расистом из Б-29 на роду было написано: участвуешь.

После обеда поехали в Андун, в здание местной полиции (или народной милиции – один чёрт). Со мной был начальник полковой разведки и, конечно, замполит полка, дабы вражеский воздушный диверсант не оказал на нас разлагающего воздействия. В комнату для допросов, пропитанную довольно неприятным запахом, ввели молодого парня, не старше двадцати пяти, чернявого и стриженного, с характерным семитским носом и разрезом глаз. Неизбежный фонарь от корейского гостеприимства синел под правым глазом, но в целом пленный выглядел неплохо по сравнению с экипажем «Суперфортреса». Только руки ему не развязали. Минутой позже явился советский переводчик с английского, с ним особист из авиадивизии.

Началось всё с общих фраз – как зовут, какая авиачасть, а я не мог оторвать взгляд от круглой дырки на его термобелье, надеваемом под высотный костюм. Есть, конечно, шанс, что это не его прикид, но... Тревожное предчувствие не покидало.

Я поделился наблюдением с начальником разведки. Тот посмеялся: если бы янки схлопотал в брюхо снаряд от пушки МиГ-15, перед нами не сидел бы живёхоньким.

– Где его высотный костюм?

– Сразу в Москву уехал. Толку, правда, ноль. Главное оборудование разбито в самолёте.

Да. В «Сейбре» стоит компрессор, накачивающий воздух в комбинезон. Без него костюмчик бесполезен, а в СССР ничего подобного не придумали.

За время моего короткого диалога с разведкой общение переводчика с американцем зашло в тупик. Сообщив анкетные данные, тот вежливо улыбнулся и отказался что-либо говорить далее.

– Можете подвергнуть меня истязаниям. Можете убить, отправив в преисподнюю. К пыткам мне не привыкать.

Дырка в пузе, от которой кто угодно другой дал бы дуба, – раз. Привычность к пыткам – два. Готовность падать в преисподнюю – три. Всё складывается.

– Понимаешь идиш?

– Зихер! – с любопытством ответил тот, что означает «конечно».

– Назови отряд зэ-га, срок, режим, дату смерти в прошлом теле.

Идиш я знал поверхностно, вынужденно вставляя загробную латынь.

– Ты рехнулся? Четвёртая канцелярия седьмого уровня! Коль уж раскусил меня, знай, я – ангел, а не пошлый демон.

– Что он говорит? – встревожились переводчик и разведчик, я им был благодарен за паузу в диалоге с еврейским ангелом.

– Он – еврей, ну а я рос рядом с еврейской семьёй, знаю идиш, он похож на немецкий. Сказал гаду, что я тоже еврей. Постараюсь разболтать его.

Наверно, только Мошкин узнал, какая буря взорвала мои внутренности. Вселение демона в тело живого грешника – нечто охрененно редкое. Про вселение ангела я не слышал ни разу вообще за девятнадцать веков. По сравнению с этим фактом явление Христа народу – просто ежедневная обыденность.

– Какого чёрта ты делаешь в теле американца?

– Выполняю задание.

– Это я выполняю задание! От какой-то там канцелярии шестого уровня, помешать американским засранцам начать Третью мировую ядерную, переполнив Великое Ничто миллионами душ, до которых просто никому нет дела...

– Рядовой летун в линялой китайской пижамке и в белой панамке спасает мир? На себя в зеркало посмотри.

– Ты с фингалом на морде не лучше. Обожди, немного развлеку товарищей коммунистов, – я перешёл на русский. – Американец говорит, что издалека обнаруживает наши самолёты, потому что у него стоит радарный дальномер, совмещённый с оптическим прицелом. На расстоянии до полутора миль, это больше двух километров, в прицел автоматически вводится поправка дистанции.

– Вот это да... Терзай его дальше! – оживился начальник разведки, особист вытащил блокнот и начал яростно в нём чёркать.

Политрук насупился. Вдруг пленный агитирует меня в пользу империалистов? А политработник не контролирует процесс со стороны политотдела! Непорядок...

– Облапошил их? Слушай. Не знаю, сколько ты болтался в преисподней, главного так и не понял: мир под солнцем – мелкий довесок к загробному, а ещё поставщик пополнения. Сколько здесь болтается душ? Миллиарда четыре или пять? Там – под сотню. Здесь живёт молодняк, максимум – сотня лет. У нас многотысячелетние, все знания и опыт человечества, на девяносто пять процентов мёртвого! А сейчас расплодилось, твари. Если в Китае, где больше шестисот миллионов без Тайваня, сохранится тот же уровень рождаемости, это – катастрофа! Их будет пять-шесть миллиардов к следующему веку при средней продолжительности жизни пятьдесят-шестьдесят лет, все будут ссыпаться к нам. Нам не нужен такой приток грешников! Тем более – с азиатским менталитетом. Их численность надо сократить на порядок, пока не размножились.

Я переваривал услышанное, вслух глаголил про устойчивость «Сейбра» при выходе из пикирования, пользование воздушными тормозами и форсажем, а также прочую лабуду, памятную по единственному полёту на американском истребителе осенью пятидесятого. Думаю, вся разведка СССР не выведало столько об этой машине, сколько вытекло из единственного допроса.

– Что вы планируете?

– Многоходовочка. Знаешь, что Макартура с треском сняли? Теперь позиции ястребов ослабли. Чтобы начать войну с СССР, нужно снова расчистить дорогу к Ялу. Тогда ядерный удар, чтоб нас остановить, неизбежен. Главное сейчас, чтобы узкоглазые не настроили аэродромов на Севере Кореи. После 12 апреля всё сильно осложнилось. Но по-прежнему возможно. Как только русские бахнут атомной бомбой, даже такая тряпка как Трумен отдаст приказ к налёту на Шанхай и Пекин. Сорок миллионов в Ничто? Переживут.

– Почему тебе не вселиться в Трумена и не отдать прямой приказ?

– Есть ограничения на такой вариант, тебе лучше про них не знать.

– Я должен сообщить своему куратору.

– А что тебе известно о разногласиях между шестым и седьмым уровнем? Мы служим одной цели, но по-разному понимаем пути к ней. Есть простое предложение. Я позабочусь, чтобы тебе поменяли куратора на нашего. Взлетишь на МиГе, перелетай на юг. Гарантирую сокращение срока на зоне и приобщение к Божьей Благодати гораздо скорее, чем ты думаешь.

– Нет.

Готов побиться о заклад, моя неуступчивость принесла свои плоды. Ангел-еврей-американец принял какое-то решение, и мы быстро узнали о нём. Он вскочил, отшвырнул переводчика и китайского охранника. Часовой, ожидавший снаружи, тоже не задержал беглеца.

Разведчик кинулся вдогонку, через несколько секунд шум раздался на улице. Я выглянул в окно. Грохнули две автоматные очереди. Парень упал.

Наверно, только я понял, что тот совершил самоубийство. Мог сразу соскочить, прямо в разговоре со мной, и прихватить душу хозяина тела, мне пеняли бы – довёл пленного до инфаркта. Но отчего-то говнюк из седьмого уровня поступил иначе. Помимо всего прочего, спешил связаться со своими раньше, чем я с куратором-атеистом? Тогда для чего было откровенничать со мной? Логика – ноль. Чёрт его знает, этого святошу.

– Что он сказал тебе? Почему убежал? – вцепился в меня особист.

– Предложил перелететь к американцам, обещал неземные блага, чтоб там я просил замолвить словечко, чтоб его обменяли на корейских и китайских пленных. Послал его подальше. Вот он и расстроился.

Конечно, будет детальное расследование по авиакорпусу, нужно писать рапорты. Но у меня появилось срочное дело.

«Володька! Прости!»

«Чего?»

«За то, что я тебе наговорил утром у реки. Не обижайся. Пропаганду и пропагандонов терпеть не могу, в том числе все ваши политотделы и комиссаров. Но в загробном мире, а именно его имею честь представлять, паскудства не меньше, а скорее – даже больше. Истребить полмиллиарда одним махом здесь ни одна гнида не додумалась, там – в порядке вещей. А что, был уже Всемирный Потоп, можем повторить! В общем, говно там, говно здесь, но у живых пять, за гробовой доской – девяносто пять процентов. Сейчас поедем в казарму, по пути остановимся, куплю пару пузырей. Разрешаю нажраться. Вы, русские, нашли нормальное решение проблем. Эх-х! Скот прав – человечество мертво. Но мы с тобой – в той маленькой части, что ещё живая. Давай выпьем за здоровье временно живых».

Чтобы сообщить ангелу Юрию о случившемся, мне нужно нырнуть в загробный мир, оставив Володьку в ступоре, чтобы не натворил дел. А если тревога, вылет?

О происках конкурентов, хотя сама мысль о конкуренции среди ангелов ещё недавно казалась еретической, начальники Юры наверняка в курсе. Вряд ли лишняя деталь что-то существенно изменит. А меня он вряд ли просветит, потому что сам мало знает. Среди крылатиков без году неделя, салага. Что ему наплетут, то и делает.

А что делать мне? По большому счёту – ничего нового. Просто гнём ту же линию.

Глава 8

Асы

Наутро Пепеляев рвал и метал, услышав рассказ о допросе пленного. Машины уехали на аэродром. Командир полка оставил меня и снимал струю.

– Ты – балбес, Мошкин! У тебя в личном деле появилась запись, что подвергался обработке врага с целью склонить к измене! Кто тебя за язык тянул?

Самое обидное, он – прав. За месяцы в Андуне я так и не втянулся до конца в роль сталинца-комсомольца, могу брякнуть что-то против шерсти комиссарам, не понимая последствий. В своё время после моих выходов в теле Вани Бутакова командование авиабригады поспешило избавиться от бузотера, сплавив в Испанию. Здесь отстранят от полётов и вернут в СССР.

– Я отстранён от полётов, товарищ полковник?

– А как ты думал?

– Есть... Разрешите идти?

– Сиди, герой хренов. Ты нам ещё одну головную боль подкинул. Про радиоприцел «Сейбра» ничего не напутал?

– Не могу знать. В идиш нет слов «радар», «тангаж», «упреждение». В школе учил немецкий. Объяснялись как могли.

– Зачем он тебе это выболтал? Из-за еврейской солидарности? Брехня. Ты скорее за негра сойдёшь, Мошкин, чем за еврея.

– Никак нет. Он рассказывал, какая у них классная техника, хвастался, уговаривал: перелетай – и будешь в шоколаде. Разрешите уточнить, товарищ полковник, про головную боль.

– Всю ночь радиообмен с Москвой шёл. Создадут группу учёных, чтобы сделать прибор на каждый МиГ, сообщающий о сигнале радиоприцела «Сейбра».

– Я мало что в электронике мыслю... Но тут эфир весь забит передачами и сигналами постановщиков помех. Нужно знать частотный диапазон и характер сигнала, чтобы его выделить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.